

Проблема предмета психологии и концепции образа мира*

Вот уже более четырех десятилетий поступательное движение советской психологии связано с развитием «деятельностных» представлений. Как констатировалось на последнем всесоюзном съезде Общества психологов (Москва, 1977), понятие «деятельность» не только «является важнейшим достижением советской психологической науки», но и представляет собой центральную категорию последней, вокруг которой объединяются все советские психологи [10, с. 3]. И тем не менее, на этом же съезде определилось критическое состояние «деятельностного подхода».

Утверждалось, например, что понятие «деятельность» не нашло своего раскрытия ни в одной из психологических работ (В.Н.Пушкин – там же, с. 52). Говорилось об одностороннем характере, который приняло развитие теории деятельности как следствие «чрезмерного развития», «гиперболизации» «одной из сторон культурно-исторической теории» Л.С.Выготского (Н.А.-Менчинская – там же, с. 49). Говорилось о том, что «проблема деятельности», задававшей пафос развитию советской психологии в 30–50-е годы, не было обеспечено дальнейшее развитие и, как следствие, проблема эта «постепенно теряла первоначально общее значение и объективно сходила на положение важного, но частного учения о мотивах» (П.Я.Гальперин – там же, с. 31).

Размышляя над судьбой «проблемы деятельности», П.Я.Гальперин отмечал: «Увлеченные перспективой объективного изучения предметной деятельности субъекта, мы не учли, что «проблема деятельности» внутренне связана с роковым вопросом о предмете психологии и довольствовались его интуитивным пониманием. ...Ни разу не ставился вопрос о том, что такое сама психология – то, что называют ею» (там же, с. 29–30). Фактически в советской психологии происходило «полное отождествление предмета психологии с изучением деятельности и в конечном счете отождествление двух объектов: психики и деятельности» (Н.И.Непомнящая – там же, с. 68).

Такое отождествление, действительно, имеет роковые последствия для психологии. К настоящему времени для психолога стал достаточно ясным безличный характер деятельности. «Человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем он сам. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот...» (Г.П.Щедровицкий – там же, с. 88). Но так понимаемая деятельность не есть, совершенно очевидно, предмет психологии. И если эта деятельность – психика, то психологи оказываются учеными без своего предмета. Они тогда – не

* Рукопись.

более чем одна из групп разработчиков теории деятельности, общей системно-структурной методологии и т.п. «Вот одно из следствий внеличного изучения деятельности в психологии... Внутри самой психологии не удается найти субстанциональность, субстрат, структуру – в смысле онтологического существования такой структуры, а не только в операциональном смысле как идеальную конструкцию исследователя» (Н.И.Непомнящая – там же, с. 72).

Указанные трудности, определившиеся в отечественной психологии, действительно во многом объясняются спецификой развития на протяжении вот уже почти полувека теоретических взглядов Выготского.

Творчество Выготского обширно и многосторонне. Он значительно шире, чем его последователи, сумевшие освоить и разработать лишь часть его наследия. Так, несмотря на непреложность для самого Выготского принципа единства биологического и социального в человеке [1], «натуральные» процессы так и не стали после него объектом сколько-нибудь последовательного изучения в отечественной психологии. Остался нереализованным, не вышел за рамки деклараций, также его призыв к пересмотру отношений между психологией и физиологией: «Нужна не физиологическая психология (Wundt), а психологическая физиология» [2, с. 94]. Никак не проявилась в последующих разработках линия Выготского на рассмотрение человека в едином эволюционном потоке живого.

Фактически, после смерти Выготского его учениками разрабатывалась лишь проблема индивидуальной деятельности в контексте деятельности надиндивидуальной. При этом предметная деятельность, понимавшаяся ими вначале, вслед за Выготским, общим объяснительным принципом психологической теории, все чаще принималась за предмет изучения. Иными словами, происходило все более полное отождествление того, что для самого Выготского было отчетливо разным и разноприродным: предмета психологии и объяснительного принципа в психологии [5]. Тенденция к пересмотру складывающихся представлений о предмете психологии и о назначении психики наметилась лишь в самые последние годы – отчасти в связи с новым прочтением Выготского. Наибольший интерес в этом отношении представляют взгляды П.Я.Гальперина [3; 4] и А.Н.Леонтьева [8].

Стремясь указать психологии выход из фиксируемого им тупика, Гальперин формулирует «подлинный предмет психологии»: «структура ориентировочной деятельности – ее формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функции в каждом периоде жизни субъекта» [4, с. 38]. Предлагаемое решение является, однако, не более, чем паллиативом. Вся аргументация Гальперина построена таким образом, чтобы показать, зачем и когда нужна психика, а не то, что есть психика. Психика задается им через функцию, а не как онтологический объект.

С нашей точки зрения, более перспективной и эвристичной является разрабатываемая в последние годы жизни Леонтьева концепция образа мира [8], в которой получила дальнейшее развитие центральная для последнего периода творчества Выготского тема перехода от знака к значению. (т.е. от внешнего для психики к внутриспсихическому, или собственно психическому).

Представление об образе мира (ОМ) вводилось Леонтьевым в контексте проблематики восприятия: «Проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема психологии образа мира» (там же, с. 4). Нам представляется правомерным и более широкое утверждение: проблема образа мира – это проблема психологии в целом. Представим в тезисной форме несколько положений, представляющих собой развитие концепции образа мира применительно к проблеме предмета психологии.

Объектом исследования в психологии является субъективный образ мира (= психика), понимаемый, с одной стороны (в плане его генеза), как субстантивированная история отражения индивидом мира объектов в процессе индивидуального развития по законам своего вида, а с другой стороны (функционально), как индивидуальный механизм актуального существования в реальном мире путем экстраполяции в будущее накапливающегося опыта, либо реализации генетически заданных программ. Именно благодаря ОМ индивид в каждый момент взаимодействует с миром по законам деятельности, специфическим для его вида в данном времени.

Если понимать опыт как знание действий, адекватных условиям, времени, окружению и т.п.; т.е. понимать опыт и как собственно научное знание, и как знание «умных» (уместных, адаптивных) реакций и установок, то ОМ, или психика, будет представлять собой в таком контексте системное знание, формирующееся в онтогенезе в соответствии со свойственными данному виду психологическими закономерностями.

Психика как функциональный жизненный опыт представляет собой непрерывный процесс сначала развертывания, а затем перманентной перестройки целостного образа мира в процессе уникально складывающейся жизнедеятельности индивида. «Непосредственная чувственная картинка» (там же, с. 12) является продуктом психики, она порождена инерцией, движением образа мира. Все, что воспринимает в настоящий момент индивид, он воспринимает благодаря функционированию психики в предшествовавший момент и, еще шире, в предшествовавший период времени. Текущее состояние задано инерцией целостной психической деятельности. В любой (для внешнего наблюдателя или так понимаемой самим субъектом) *начатой сейчас* деятельности (например, познавательной) легко просматриваются решения, состоявшиеся психические акты, имевшие место в прошлом, и логическим следствием которых (в плане психологической причинности) является данная деятельность [9, 11]. Сказанное не исключает правомерности

выделения целенаправленных актов (целенаправленной деятельности) как формы работы психики и исследования их по специфической схеме – ставя им в соответствие мотивы, цели и т.д.) [6]. Психика, таким образом, не дана человеку готовой и никогда не статична; но возникает, растет и умирает она вместе с телом, питаясь им и давая ему биологический смысл.

Внешняя, практическая деятельность – «решающий пункт» [7, с. 31] и главное средство формирования зрелой психики, зрелого ОМ как того, чем эффективно обеспечивается связь субъекта с реальным миром. Однако не предметная деятельность, а жизнедеятельность с необходимостью порождает психику как средство реализации и регуляции этой жизнедеятельности. В отличие от мозга, который в зависимости от состояния его системных организмических связей может быть представлен как анатомическая структура, физиологическая структура или психическая структура, психика, будучи крайней формой органического объектогенеза, существует только в жизни и не может быть помыслима вне жизнедеятельности. Психика – это не только и не столько то, что работает, сколько сама работа, открытые работающие «контуры». Психика – это и регуляционный механизм, и регуляционные изменения, и осознание регуляционных изменений, работы регуляционного механизма, изменения своих системных характеристик. Все эти аспекты, разные способы концептуализации одной и той же субстанции – психики.

Образно говоря, психика – это то, благодаря чему генетическое и социальное встречаются в индивидуальном человеке, а физиологическое – это то, где они встречаются. Физиологическое есть аспект и уровень психического, но не его часть. Иными словами, субстанционально человек, его психика и его «физиология» тождественны, хотя все это и разные понятия. Причем, «человек – психика» и «психика – физиология» суть принципиально разные отношения: человек – это лишь один из биологических видов, между тем как психика и физиология – атрибуты многих и многих эшелонов живого. Более того, системное старшинство психики по отношению к физиологии заставляет постулировать существование прапсихических свойств на предфизиологической стадии развития органики.

«Включенность живых организмов», системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир и приводит к тому, что система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащем самому предметному миру. *«Проблема такого “наделения” порождает предмет психологической науки!»* – этими словами завершает А.Н.Леонтьев интродукцию концепции образа мира в психологию [8, с. 13]. – Здесь есть лишь одна неточность (не помешавшая автору сделать точный и тонкий вывод), состоящая в том, что система процессов органов, мозга живых организмов имеет, якобы, свое собственное содержание. Отвлекаясь от человека и обращаясь к биологи-

ческим объектам в целом с монистических позиций, можно утверждать, что все в них подчинено универсальному биологическому назначению – обеспечению выживаемости индивида в целях сохранения вида, опосредуемому механизмами размножения и адекватного индивидуального развития. Можно говорить о распределении жизненных функций между органами или их системами, но это распределение подчинено названной общебиологической цели. Деятельность всех органов объединяется и снимается при этом психикой – специфически организованным образом мира. ОМ является фактически средством реализации общебиологического предназначения индивида, обладающим видовой специфичностью и индивидуальной изменчивостью внутри вида. В процессе своего развития психика, таким образом, исходит из плоти и подчиняет себе плоть, подчиняясь в свою очередь общебиологическим и, в случае человека, социальным законам. Реальные процессы формирования под давлением мира и существования в мире этой особым образом организованной плоти – психики – и составляет, действительно, предмет изучения психологической науки.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
2. *Выготский Л.С.* Из записных книжек // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1977, № 2.
3. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., Изд-во Моск. ун-та, 1976.
4. *Гальперин П.Я.* Проблема деятельности в советской психологии // Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов», М., 1977.
5. *Давыдов В.В., Радзиховский Л.А.* Теория Л.С.Выготского и деятельностный подход в психологии // Вопросы психологии, 1980, № 6 – 1981, № 1.
6. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность М., 1975.
8. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979, № 2.
9. *Найсер У.* Познание и реальность. М., «Прогресс», 1981.
10. Проблема деятельности в советской психологии // Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. М., 1977.
11. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981, № 2.

Пять тысяч Где, семь тысяч Как, сто тысяч Почему*

Три главных в Москве психологических центра – Институт психиатрии АН СССР, Институт общей и педагогической психологии АПН СССР и факультет психологии Московского университета, согласились между собой в том, что назрела пора разобраться в путанице накопившихся теоретических претензий и контрпретензий, и решили встречаться на методологическом семинаре под эгидой Общества психологов СССР, поочередно организуемым в каждой из названных инстанций. Второе заседание семинара состоялось в университете 14 мая 1981 года. Тема семинара была вынесена в название подготовленного В.В.Давыдовым, В.П.Зинченко и Н.Ф.Талызиной доклада, текст которого был заблаговременно размножен и передан для ознакомления предполагавшимся участникам заседания. Доклад этот по содержанию и по названию соответствует в основном предшествующей статье, и называется эта статья «Категория деятельности в советской психологии».

Открывая заседание семинара, председательствующий, декан факультета психологии А.А.Бодалев, так объяснил выбор темы: «Поскольку одной из важнейших категорий психологической науки является категория деятельности, то настало время всерьез и содержательно проработать эту категорию. И памятью о том, что в разработке деятельностного принципа в психологии серьезный, фундаментальный задел был осуществлен именно психологической школой, сложившейся в стенах Московского университета, понятно и закономерно, что эта проблема будет обсуждаться именно здесь».

Следует дополнить слова А.А.Бодалева короткой справкой о том, что, во-первых, совсем еще недавно «психологическое изучение деятельности» называлось «важнейшим достижением советской психологической науки» и говорилось, что «признание центрального значения понятия «деятельность» объединяет всех советских психологов». Именно так написано в предисловии к сборнику «Проблемы деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов» (т. 1, с. 3). Во-вторых, для большинства наших психологов понятия «деятельность», «деятельностный подход» ассоциируется с именем А.Н.Леонтьева и с развивавшимися им и его последователями представлениями, известными как «общепсихологическая теория деятельности».

Между тем, как было сказано в том же предисловии, «трактовка понятия “деятельность” в трудах различных психологов различна, имеется много спорных вопросов, которые могут составить предмет плодотворной дискуссии» (с. 4). Действительно, на V съезде спорные вопросы прозвучали и

* Рукопись.

достаточно громко – например, в докладах В.Н.Пушкина, Н.А.Менчинской, П.Я.Гальперина. Со временем количество их росло. Случались и дискуссии на страницах журналов и сборников, на конференциях и методологических семинарах. Но были ли они плодотворными? Завершим, однако, справку.

Как следствие нарастающей волны вопросов и сомнений, в школе А.Н.Леонтьева, где разработка деятельностных представлений составляет основную линию научного поиска, «возникло острое ощущение серьезности рубежа» (Давыдов, 1979, с. 25), быстро трансформировавшееся почти в эсхатологическое чувство – быть или не быть деятельности в психологии. Создается впечатление, что именно с этим чувством пришли на семинар авторы доклада, и этим определилась его форма – форма манифеста.

Манифесты, по определению, провозглашают, а не аргументируют; они – форма утверждения. Поэтому доклад-манифест вполне уместен для публикации, скажем, в журнале, но абсолютно непригоден в качестве исходного материала для обсуждения. Настоящий манифест был предложен небольшой группе людей, собравшихся обсудить наболевшие вопросы своей науки. Поэтому вместо того, чтобы организовать совместный поиск ответов, доклад организовал поток плохо связанных друг с другом вопросов и, тем самым, фактически дезорганизовал работу семинара. Продемонстрируем это.

Сначала вопросы.

Воспроизведем по частям первые пять предложений доклада.

«Категория деятельности является общепринятой в советской психологии». – Что значит «общепринятой»? Существует единое понимание? Тогда какое? Где определение? И какая категория – философская? А какие философские категории не приняты? Или речь идет о том, что существует какая-то иерархия философских категорий по степени их релевантности психологической проблематике? Какая же?

«Дальнейшее развитие деятельностного подхода требует...» – Т.е. необходимо дальнейшее развитие деятельностного подхода? Куда? С какой целью? Почему? Развитие в целом? Или каких-то отдельных аспектов? А где общий, хотя бы, абрис деятельностного подхода? И вообще, деятельностный подход к чему? Кстати о «дальнейшем развитии» – а как происходило предшествовавшее? Где общий очерк, схема развития?

«...развитие деятельностного подхода требует анализа сложившихся точек зрения на функции категории деятельности в системе психологической науки...» – Где (хотя бы) перечисление сложившихся точек зрения? Система психологической науки конституировалась в связи с категорией деятельности или же система психологической науки существует помимо категории деятельности? И так, две (три? четыре?) системы или единственная система? Или единственная в советской психологии? Что же это за система? «Требует анализа» – речь идет о проектном анализе или об анализе существу-

ющей практики? Чем конкретно диктуется необходимость анализа? Или же «система» – всего лишь метафора? В чем содержание метафоры? Не следует ли понимать весь тезис так, что деятельностный подход сам по себе, а психология сама по себе; просто какая-то внутренняя логика развития деятельностного подхода потребовала примерить себя к психологическим реалиям?

«... развитие ... требует ... выделения проблем, которые должны составить программу исследовательской работы советских психологов.» – Что это значит: советские психологи не знают, что им делать в отсутствие такой программы? Правила игры в «развитие» требуют выискивания в себе проблем с последующей раздачей их (советским) психологам? Или же в самом деятельностном подходе, в самом развитии его обозначились проблемы – но какие? Сущностные – воспринимаемые как внутренние конфликты, теоретические рассогласования или, например, воспринимаемые как явные пороки и неадекватности, теоретические тупики? Или же чисто поверхностные проблемы, связанные, например, с трудностями восприятия соответствующих представлений широкими кругами психологической и непсихологической общественности? Каков же статус этих проблем? И где хотя бы предварительный список их? Или составление такого списка и есть задача на будущее?

«Диалектико-материалистическая трактовка деятельности связана прежде всего с ...» – Какова же трактовка – ведь сказать, с чем она «связана прежде всего» не означает дать определение?! И в чем отличие диалектико-материалистической трактовки от иных? – предшествовавших? параллельных? Где психолог может найти соответствующие разъяснения (и существуют ли они) именно применительно к психологической проблематике, дабы самостоятельно разобраться в сути дела в отсутствие авторских разъяснений?

«Диалектико-материалистическая трактовка деятельности связана прежде всего с утверждением ее предметного характера. Принцип предметности составляет ядро психологической деятельности А.Н.Леонтьева и его последователей. Предмет при этом понимается...»

При чем «при этом»? При предметности? При ядре? Каково содержание принципа предметности? Или оно ограничивается утверждением предметного характера деятельности? В этом случае, не получается ли, что диалектико-материалистическая, философская категория деятельности и деятельность в психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева, как ее (теорию) понимают его последователи, – одно и то же? Где же тогда кончается философия и начинается психология? Наконец, как появился предмет? Или он просто, по определению, при предметности, а тавтология никого не смущает? Если же все-таки смущает, то не надо ли указать целостную структуру, компонентом которой является предмет? (Дальше будут, правда, упомянуты субъекты, объекты, акты, живые существа и т.п., но в отсутствие

заявленной структуры, определения и др. – как к ним относиться?)

И так далее. Всего лишь по первому десятку строчек. Двигаясь по тексту, невольно чувствуешь себя той самой кипплинговской «особой юных лет, гоняющей, как собак, в ненастье, дождь и тьму свои пять тысяч Где, семь тысяч Как, сто тысяч Почему». Разумеется, многие вопросы окажутся иррелевантными, многие покажутся излишней педантичностью или занудностью. Но все они непосредственно порождены текстом. Хуже того, они порождены мощной и застарелой системой недоговорок по ряду ключевых проблем вынесенной в заглавии доклада тематики.

Так говорит об этом в своем выступлении на семинаре А.В.Брушлинский (протитировав все те же первые строчки доклада): «[Намеченный] план далеко не полностью удался осуществить нашим докладчикам, и не только потому, что объем доклада неизбежно, естественно краток, но и в силу некоторых традиций, которые сложились при обсуждении проблематики деятельности... Трудность... состоит в том, что не первый год, не первое десятилетие, не первое двадцатилетие обсуждается эта проблема, эта проблематика деятельности. К сожалению, те товарищи – и в частности авторы этого доклада – которые представляют [заявленную в докладе] точку зрения на проблематику деятельности в советской психологии, делают очень трудным, подчас почти невозможным обсуждение, как сказано в первом абзаце, разных позиций и разных точек зрения... по той простой причине, что как раз основные-то различия, основные дискуссии, основные и весьма разные подходы к этой проблематике – все это останется за кадром и все это приводит к тому, что, действительно, дискуссия не получается. И она может не получиться сегодня... ..дискуссия не осуществляется в обычных, нормальных рамках, принятых в любой науке».

Формулировавшиеся мною вопросы, таким образом, и правомерны, и естественны. Именно эти вопросы, почти буквально эти, снова и снова будут задавать авторам доклада участники обсуждения. («Дайте философское и психологическое определения деятельности!») (А.А.Бодалев); «В чьей формулировке вы говорите о двойной детерминации деятельности?» (А.М.Матюшкин); «Не следует ли название доклада «Категория деятельности в советской психологии» писать как категория деятельности в теории деятельности А.Н.Леонтьева?» (О.А.Конопкин); «Выскажите более четко специфику понятий «предмет», «предметная деятельность» и «объект»! (Е.В.Шорохова); «Как соотносится категория деятельности с категорией взаимодействия?» (Я.А.Пономарев); «Предусматривает ли защищаемая теория какие-либо естественнонаучные основы психической деятельности?» (А.В.Брушлинский); «Каковы движущие противоречия в концепции А.Н.Леонтьева?» (Е.В.Шорохова); «Как различают авторы социальную и индивидуальную деятельность?» (Ю.М.Забродин); «Как различают авторы внешнюю,

внутреннюю, материальную и психическую деятельность? Где критерии?» (Б.Ф.Ломов) и т.п.).

Иного рода, но столь же естественные вопросы провоцируются избранными авторами стилем полемической переключки, в частности тем, как в докладе излагаются чужие позиции и точки зрения. Вот маленький, но характерный пример расстановки акцентов: «Предметная деятельность как предмет психологической науки впервые была обозначена С.Л.Рубинштейном». – Что это значит – «обозначена»? Так, вскользь, упомянул? – тем проще, тогда, процитировать! «Однако в дальнейшем он отказался от этого положения». Положения или обозначения? В чем суть положения? Какова логика отказа? Отказался в пользу чего? «...А.Н.Леонтьев, наоборот, его развил». «Развил»! – значит было положение, и не на скользком месте? Одно и то же применительно к Рубинштейну наделяется невнятным статусом «обозначения», а применительно к Леонтьеву – солидным статусом «положения».

Привлечение авторитетов – безусловно, важное и традиционное средство укрепления своей позиции. Но вот как это делается тремя авторами: «...Особого внимания заслуживает подход П.Я.Гальперина к предмету психологии. Он считает, что собственно предметом психологии является ориентировочная часть предметной деятельности». – Сразу же возникает потребность в уточнениях. Сказанное, видимо, следует понимать так: существует наука о деятельности и есть деятельность, которая все. В тех или иных целях возможно разбиение деятельности на виды и конструирование научных дисциплин вокруг частных видов (или их подвидов). Один такой вид – а точнее подвид «ориентировочная часть» вида «предметная деятельность» – передается для изучения психологии. Остается, однако, без ответа вопрос, что же вызывает необходимость расчленения категории «деятельность» на виды? Гносеологический произвол ее творца? Но, цитируя сразу двух авторов доклада, ссылая на творца – «прием «закрытый» для современного философа» (*Давыдов и др.* 1982, с. 156). Поэтому современный философ, видимо, ответит, что свои категории он членит потому, что этого требует от него постигаемая им вкупе с эмпирической наукой онтологическая реальность. Тогда, что же за онтологическая реальность соответствует гносеологической провинции «ориентировочная часть предметной деятельности» в гносеологической державе «деятельность»?

Вопрос этот – не к П.Я.Гальперину. Он дает на него простой и ясный ответ: психика (*Гальперин, 1976, 1977*).

В соответствующих работах П.Я.Гальперин говорит буквально так: «Сама психическая деятельность (не то, чем она «является» в самонаблюдении, а то, что она есть на самом деле) по самой основной и жизненной функции есть не что иное, как ориентировочная деятельность» (1977, с. 37).

Гальперин формулирует свою позицию очень остро: «Увлеченные перспективой объективного изучения предметной деятельности субъекта, мы не учли, что «проблема деятельности» внутренне связана с роковым вопросом о предмете психологии... ни разу не ставился вопрос о том, что такое психика» (1976, с. 29-30). Предлагаемый Гальпериным ответ представляет собой функциональное (и, с моей точки зрения, исчерпывающее даже в этих рамках) определение психики. Тем не менее, для Гальперина, до семинара, психика является (до семинара) реальностью, а не понятием о реальности. И этим же она остается для него на семинаре. Деятельность, по П.Я.Гальперину, есть понятие о психике: «По-моему, термин деятельность указывает на очень важную действительность, без которой нельзя понять развитие психической жизни... Мы будем брать понятие деятельности как факт, а не как категорию, не как понятие, а просто как факт: через внешнюю деятельность человек усваивает основное содержание своего сознания» (с. ...).

Возможность обращения к П.Я.Гальперину сформулированного выше вопроса порождена, как мы имели возможность убедиться, неточным изложением его взглядов. Но именно неточное изложение заставляет еще раз задать этот вопрос авторам доклада. Видят ли они за деятельностью психику как самостоятельную онтологическую реальность? Если же психика и деятельность одно и то же, то кем и где была осуществлена дезонтологизация психики или, напротив, дегносеологизация категории деятельности?

Психика или деятельность? – этот вопрос в той или иной форме прозвучал в большинстве выступлений – А.В.Брушлинского и И.И.Ильясова, Г.Е.Журавлева и В.В.Столина, Ю.М.Забродина и А.Г.Асмолова, Б.Ф.Ломова и Г.П.Щедровицкого. Такой акцент в работе семинара во многом связан с тем, что именно проблема соотношения психики и деятельности считается центральной на настоящий день теоретической проблемой большинством советских психологов и именно эту проблему постарались максимально стусовать авторы доклада.

Вы, вероятно, еще помните сетования А.В.Брушлинского по поводу такой манеры ведения дискуссии? А теперь посмотрите еще раз текст доклада – найдете Вы там слово «психика»?

Непременное желание видеть деятельность (и ничего кроме деятельности) в психологии, утвердить ее в качестве единственного предмета последней, вызывает необходимость осуществления в докладе маленьких операций. Маленькую, практически незаметную, операцию над Гальпериным мы видели. Но операция осуществляется и над Леонтьевым. Указывается в докладе, что у Леонтьева наряду с указаниями на предметную деятельность как предмет психологии есть и такое определение: «Психология – это наука о порождении, функционировании и строении психического отражения»). «На первый взгляд эти два подхода к предмету психологии выглядят как

противоречащие друг другу. На самом деле здесь противоречия нет», – говорят В.В.Давыдов, В.П.Зинченко и Н.Ф.Талызина.

Пусть читатель сам полюбопытствует, как снимается это противоречие – одной метафорой, растянутой на три предложения (см. выше). Похоже, что участников семинара эта техника мало убедила. Важный корректив о том, что для А.Н.Леонтьева в психологии существовали и деятельность, и психика внесли в обсуждение, в частности, непосредственные ученики Леонтьева – А.Г.Асмолов, И.И.Ильясов, В.В.Столин.

Вот что сказал Ильясов: «Я специально интересовался этим вопросом и, беседуя с Алексеем Николаевичем, выяснял, в чем же дело, действительно ли он считает, что у психологии такой сдвоенный предмет: психика и деятельность. И вот какие объяснения он в частной беседе мне давал. Он говорил, что последней целью психологического исследования является, безусловно, познание и объяснение психического отражения. Деятельность мы изучали как ту систему, которая функционирует как неотторжимый компонент его. Для того, чтобы разобраться в психическом, мы должны понять систему, в которой оно функционирует. Но в принципе мы можем поручить это дело другим дядям. Фактически, однако, положение вещей таково, что этого дяди нет – нет такой концепции, таких специалистов, которые занимались бы деятельностью в психологическом смысле слова. Поэтому мы обязаны взять на себя эту задачу» [: 49-50].

Еще один свидетель – А.Г.Асмолов: «У Леонтьева вы нигде не найдете странного сочетания – “теория деятельности”. Ни в одной из его работ о теории деятельности не говорится. Это потом мы уже с вами начинаем говорить о теории деятельности... ему также не импонировало выражение “деятельностный подход”. Его оно крайне коробило. Почему? Потому что могло вызвать у всех именно вот эти недоразумения... Алексей Николаевич говорил, что для него деятельность выступает как метод анализа, я это хочу подчеркнуть, метод анализа психической реальности» [: 95-96].

В.В.Столин подчеркнул, что анализ теории деятельности, представленный в докладе – это, прежде всего, авторский анализ, отражающий позицию трех его авторов. Он выразил также недоумение по поводу того, «что в тексте доклада слово “мотив” совсем исчезло из анализа. Хотя на самом деле я согласен с Д.Б.Элькониным, который заявил как-то на семинаре В.В.Давыдова, – что теория деятельности – это прежде всего мотивационная теория» [: 60, 64]. (Напомним в этой связи, что и П.Я.Гальперин в уже цитированной выше работе говорит о том, что «проблема деятельности», долго претендовавшая на «общее значение», «объективно» зафиксировалась в 50-е гг. в статусе «важного, но частного учения о мотивах» (Гальперин, 1977, с. 31).

Мы можем только строить догадки относительно того, в чем авторы доклада усматривают свое право на произвольное обращение с тео-

ретическим наследием Леонтьева. Одно очевидно: за «привязкой» к его имени, за позицией единственных наследников и интерпретаторов его взглядов скрывается тенденция к глубокой радикализации связанного с именем А.Н.Леонтьева теоретического движения, радикализации, суть которой сводится к тотальному изгнанию психики из психологии. «Реализация деятельностного подхода предполагает построение всего здания психологической науки на языке теории деятельности». Сразу же, по инерции занудности, возникает желание спросить: Что же это за язык? Сколько в нем слов? Какова его грамматика? Хватит ли в нем кирпичиков на все здание? – Один вывод, однако, лежит на поверхности: в языке теории деятельности в трактовке трех авторов нет – как мы знаем – слова «психика».

Строго говоря, тенденция к вольному пересказу и отделению А.Н.Леонтьева от психики наметилась сразу после его смерти. В.В.Давыдову принадлежит фактически единственная до сих пор попытка обобщения одним автором «психологической теории А.Н.Леонтьева». – Я имею в виду его статью «Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н.Леонтьева», опубликованную в 1979 году в «Вестнике Московского университета» (Давыдов, 1979). Двумя номерами ранее в этом же «Вестнике» была опубликована статья А.Н.Леонтьева «Психология образа», представляющая собой – как сказано в предисловии «От редакции» – «конспект его доклада на расширенном заседании кафедры общей психологии факультета психологии МГУ 12 ноября 1975 г. [и отражающая] основное направление (курсив мой. – В.В.Д.) книги «Психология образа», материалы для которой А.Н.Леонтьев собирал в 1975–1978 гг.».

Статья Леонтьева завершается следующим «Резюме»: «Включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит к тому, что *система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру*. Проблема такого «наделения» порождает предмет психологической науки!» (Леонтьев, 1979, с. 13). (Выше, как мы помним, было приведено еще одно «не-деятельностное» и довольно позднее – из книги 1975 года – определение.) Совсем иначе представлено дело в статье Давыдова.

Он пишет так: «В соответствии со своим историко-генетическим подходом к изучению психики А.Н.Леонтьев всесторонне раскрывает свой взгляд на психику «как на особую форму деятельности – продукт и дериват развития материальной жизни, внешней материальной деятельности, которая преобразуется в ходе общественно-исторического развития во внутреннюю деятельность, в деятельность сознания; при этом в качестве центральной осталась задача исследования строения деятельности и ее интерпретации»

(Леонтьев, 1972 с. 353). Итак *исходной* категорией психологии является «предметная деятельность».

Сильный вывод. – Но на чем он основан? В приведенных словах Леонтьева нет упоминания «предметной деятельности». Но может быть это оправдано контекстом? И это не так. От начала статьи – а это довольно известная и большая (60 страниц) статья Леонтьева 1959 г. «Об историческом подходе в изучении психики человека» – и до места цитирования ничего не говорится о предметной деятельности. Не пойдет о ней речи и ниже. Где-то позднее будет упомянута *предметная действительность* и почти в самом конце в ограниченном контексте особенностей формирования умственных действий будет сказано – кажется, дважды – *о предметных действиях*.

Тогда может быть это оправдано контекстом статьи самого Давыдова? Да, – абзацем выше в этой статье упоминается предметная деятельность – в цитате из книги А.Н.Леонтьева «Деятельность. Личность. Сознание»: «Я думаю, что главное в этой книге состоит в попытке осмыслить категории, наиболее важные для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивида. Это – категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности» (Леонтьев, 1975, с. 12). Круг замкнулся, и комментарии, видимо, излишни. Заметим только, что на семинаре В.В.Столин счел нужным указать авторам доклада, сославшись на эту же книгу, что у Леонтьева категория деятельности «употребляется в оппозиции и в связи с рядом дополнительных, и столь же глобальных категорий – таких как сознание и личность, и в рамках этих категорий получает свое определение» [: 62].

Мы видим, таким образом, что лишь отчасти следует согласиться с О.А.Конопкиным и А.В.Брушлинским, говорившими о том, что «доклад надо бы назвать не «Категория деятельности в советской психологии», а – фактически, по содержанию доклада – «Категория деятельности в работах Алексея Николаевича Леонтьева» [: 29]. Не правильнее было бы говорить о категории деятельности в трудах некоторых учеников А.Н.Леонтьева?

Мне уже приходилось говорить об излишней поспешности, с которой в школе Леонтьева осуществляется в последнее время выведение своих взглядов из Выготского, и о необходимости спокойной реконструкции взглядов последнего (Лучков, Певзнер, 1981). Создается впечатление, что пришла пора для столь же академического рассмотрения работ Леонтьева, дабы избежать некорректного ассоциирования и, как результат, некорректных ассоциаций. Заметим в этой связи, что Брушлинский в своем выступлении предпочитает называть обсуждаемый вариант теории деятельности теорией интериоризации, усматривая в интериоризации специальную концепцию, вокруг которой и конституируются в спектре деятельностных представлений та их часть,

с которой связана тенденция к подмене психики деятельностью. – Может быть еще правильнее тогда было бы определить содержание доклада как «теория интериоризации деятельности» или «деятельностная теория интериоризации»?

Неточности авторов доклада имеют всякий раз принципиальную основу. Вот еще одна выдержка из доклада: «В последнее время в нашей психологии ставится вопрос о расширении ее методологической основы. Так, Б.Ф.Ломов считает, что при ее построении наряду с категорией деятельности необходимо использовать ряд других категорий, в числе которых он называет отражение, общение, системный подход». – Между тем, как явствует из цитируемой статьи (Ломов, 1979), вопрос в ней ставится совсем не о расширении методологической основы, эта задача имеет для Ломова подчиненное значение. Вопрос ставится о предмете психологии и об адекватных этому предмету средствах постижения. Прочитываем, чтобы не быть голословными, финал его статьи: «Что касается психологии, то система ее категорий и взаимоотношения между ними определяются в конце концов тем, в какой мере они раскрывают основной предмет психологического исследования: психику» (с.47).

Есть в этой выдержке и еще один, казалось бы мелкий, но оказавшийся принципиальным нюанс, вызвавший обмен репликами на обсуждении между Б.Ф.Ломовым и Н.Ф.Талызиной:

– Б.Ф.Ломов: «...я хочу сделать одно пояснение... Системный подход никогда не был категорией... В лучшем случае можно говорить о категории системы».

– Н.Ф.Талызина: «...на первой же странице статьи Вы предлагаете ввести это понятие.»

– Б.Ф.Ломов: «Категорию?!»

– Н.Ф.Талызина: «Нет. Я не поручусь, что это названо категорией... Это легко проверить в журнале. Не будем спорить... там основные системы понятий, которые Вы вводите, мы их просто перечислили...» [: 25].

Проверим, что написано в журнале. На с. 31 (первой странице статьи) сказано: «Важнейшая задача психологической теории – выявить единство в том многообразии психических явлений, которое раскрывается в различных психологических дисциплинах и при решении различных практических задач. Единственным надежным путем решения этой задачи является применение в психологии марксистской методологии и, в частности, системного подхода». И еще, двумя абзацами ниже, в контексте обсуждения статьи А.Н.Леонтьева «Деятельность и общение»: «Спор, сводящийся к анализу и обсуждению отдельных случаев, когда общение выступает, а когда не выступает в роли и качестве деятельности, имеет частное, специальное значение. Более важным является другой вопрос: может ли развиваться психология на

основе одной-единственной категории, а именно – категории деятельности, или она развивается на основе *системы* категорий?»

Что же кроется за этой почти оговоркой авторов доклада? В докладе вслед за приведенным текстом сразу же идет следующее: «Однако, все эти категории (системный подход в их числе! – *В.В.Л.*) имплицитно содержатся в категории деятельности». Здесь уже не оговорка, здесь вполне конкретное представление о категориальном и методологическом статусе системного подхода. Дальше, больше: «Как было сказано выше, деятельность системна по самой своей природе. Поэтому адекватное ее изучение возможно только при системном подходе к ней, при анализе таких ее единиц, которые обладают системными качествами... Таким образом, [категория системного подхода может быть выведена] из предметной деятельности как философско-психологической категории».

Нетрудно увидеть ошибку авторов доклада. Системный подход представляется им чем-то вроде требования целостного отображения исследуемого объекта, своего рода антиподом гештальтистского, поэлементарного или функционального подходов. Системный подход для них категория описания объекта. Поэтому безразлично как это называется – категория, способ, средство. Поэтому трактовка системного подхода так легко трансформируется у них в готовность структурного представления своего объекта. И все по той же причине так методологически безразличны они к предлагаемым им новым категориям.

Между тем, системный подход – это, прежде всего, методологическое требование выхода за объект в процессе изучения его генезиса и экзистенции. Системный подход – не есть категория, ибо это не есть понятие о частных онтологических объектах или об их частностях. В свою очередь, основу системного подхода составляет определенная гносеологическая картина объектогенеза, представление о дифференцировке и поддержании объективного мира как о процессе встреч и взаимодействий разных объектов. Поэтому системный подход не есть, в первую очередь, требование категориального плюрализма, но он с неизбежностью предполагает использование многих категорий, сводимых в систему по мере проникновения в системную (в указанном, генетическом и экзистенциальном, смысле) природу объекта, находящегося в фокусе исследования. Естественное следствие системного подхода – полная неприемлемость для него статических схем описания.

В свете сказанного становится понятным, почему так легко – в одном абзаце – в докладе снимается вопрос о самостоятельном статусе категории общения. А логика, если это логика, буквально такова: 1) категория общения имплицитно содержится в категории деятельности, которая системна по своей природе, 2) общение выступает в деятельности в нескольких фун-

циях: оно составляет переходную форму деятельности на пути ее трансформации из коллективной в индивидуальную; общение органически включается в коллективную деятельность; наконец, оно является важнейшим видом человеческой деятельности, 3) таким образом (*sic!* – *B.V.L.*), категория общения может быть выведена из предметной деятельности как философско-психологической категории. Вот и весь силлогизм.

Как бы там ни было, из доклада мы узнали о грандиозных замыслах и о том, что написано на знаменах. Нам показали также кое-какие Концептуальные мазки на полотнищах будущих чертежей. А что же уже сделано? Вот про это мы узнаем поразительные вещи. Оказывается, в теории деятельностного подхода, несмотря на весь «пройденный путь» имеет место «неразработанность многих вопросов, касающихся конкретных особенностей генетического единства внешней и внутренней деятельности» и в частности «отсутствие развернутой теории процесса возникновения индивидуальной деятельности и индивидуального сознания на основе коллективной деятельности и общественного сознания» – как следствие, имеет место отсутствие «сколь-нибудь значительного числа фактов, раскрывающих своеобразие этого процесса».

Прочитаем также два абзаца на стр. __, начинающиеся словами «Общая характеристика...» и «В этой области...» В них фактически утверждается, что схемы Леонтьева имеют статический смысл и что для наполнения их реальным психологическим содержанием, т.е. для понимания последовательных переходов от схемы к схеме, т.е. для понимания «закономерностей взаимопревращения и трансформации составляющих деятельности, закономерностей перехода от одной деятельности к другой, необходима «большая работа, направленная на уточнение общей структуры деятельности», необходимо решение «остро стоящей проблемы методов исследования строения деятельности, взаимопревращения и трансформации ее составляющих, методов определения их предметного содержания».

Получается, что деятельностный подход не в состоянии пока предложить социально интересные выходы своей теоретической работы. Деятельностный подход был вызван к жизни желанием объяснить индивидуальную деятельность, но – как мы только что прочитали – нет ни соответствующих фактов, ни теории. Есть только предварительные схемы и общеметодологические установки. Тогда почему фанфары и весь этот профетический тон? – спросит читатель. Да потому и фанфары, что еще нет движения. Когда начнется поход, тогда и выступит трудная соль вопросов. Вопросы возникают в пути, а в теории деятельности, похоже еще не дошло до упаковки амуниции – она еще на стадии присматривания компаса.

А другие что, далеко продвинулись? – спросят (и спрашивают) сторонники этой теории. (О.К.Тихомиров, в частности, так скажет в своем выступлении: «Мне кажется, что каждую концепцию... нужно оценивать не по

абсолютным критериям, а по относительным. И вот эти относительные критерии выступают, когда мы сравниваем некоторые альтернативные подходы. Да, [в психологической теории деятельности] есть много нерешенных проблем, есть некоторые противоречия. А что предлагается в качестве альтернативы? Вот что очень важно для оценки относительной продуктивности подхода, основанного на теории деятельности» [: 99].) – Да нет, другим тоже нечем пока особенно похвастаться. Но много ли в том кому чести, славы или прибыли?

До сих пор я лишь к «слову» говорил о том, что происходило на самом семинаре. Упорядоченный рассказ о нем невозможен. Я уже упомянул выше, что доклад дезорганизовал обсуждение, сделал его неплодотворным. Он пустил обсуждение по старым проторенным путям: повторялись старые вопросы, задавались и новые. Но все это были вопросы по поводу недоумения, вопросы, спровоцированные докладом, а не подготовленные им.

Большинство вопросов были созвучны сформулированным выше и группировались они вокруг тех больших недоумений, о которых я также уже успел поговорить в связи с текстом доклада.

Большая группа вопросов была связана с фактическим отсутствием определения деятельности в докладе... Едва ли не первым вопросом к его авторам было обращение А.А.Бодалева: «Мне показалось, что докладчики не определили, что такое деятельность. Дайте, пожалуйста, философское определение деятельности и психологическое».

Соответствующие разъяснения были даны В.В.Давыдовым, но имели они весьма любопытную форму. В отношении философского определения было сказано только, на что оно опирается («прежде всего на диалектические традиции») и с чем связано («с тем, что человек осуществляет активное преобразование природы, и это преобразование в своей основе имеет труд»). И далее: «С этой точки зрения (какой? – *B.V.L.*), философское определение деятельности имеет следующие определяющие характеристики: целенаправленность, коллективность и преобразование природы, труд».

Затем Давыдов дал психологическое определение деятельности. Оно состояло почти в буквальном повторении того, что выше выступало в качестве философского определения, а также в указании на необходимость дополнения его еще двумя или тремя характеристиками – среди них: «Наличие потребности, ведущей к задаче, осуществление поиска, возникновение образа поисковых движений». «Если же эти вещи свести воедино, то можно дать, с одной стороны, собственно философское определение деятельности и, вместе с тем, дать развернутое, на основе философского, и психологическое определение деятельности. Я говорю не о дефиниции, я очертил круг тех характеристик, которые определяют эту категорию». Иными словами, у авторов нет определения деятельности и, следовательно, они пришли не го-

товыми к обсуждению того, что сами же поставили в центр обсуждения. А ведь можно и надо было дать хотя бы рабочее определение, вопрос этот они ведь слышат годами. Получается, что годами существует психологическая теория деятельности в отсутствие определения своего центрального понятия.

В этой связи крайне характерна неготовность В.В.Давыдова ответить на вопрос Ю.М.Забродина о связи сознания и деятельности в системе А.Н.Леонтьева. – В.В.Давыдов: «Но мы сегодня ведь не обсуждаем проблему соотношения категории деятельности и сознания. Я просто не готов ответить на ваш вопрос». Я оставляю в стороне напрашивающийся вопрос: «А разве не еще шире поставлена проблема в заглавии доклада?» Спрошу только: «А разве автоматическая проработка таких соотношений не предполагается при введении некоторой категории в качестве центральной в строй традиционно центральных психологических категорий?»

Вопрос о правомерности и конструктивности отождествления философского и психологического понятий о деятельности был крайне заострен в выступлении Г.Е.Журавлева. «Мы делаем следующую операцию: социально-исторически возникшую категорию деятельности, имеющую под собой соответствующие социально-исторические, более того – социально-информационные процессы, мы обращаем на психическое... И что произошло? Произошло, что вот из этого сложного, системного образования мы перенесли только шапку, а за этой шапкой оказалась пустота. Теперь мы пытаемся восполнить ее какими-то частностями. Например, процессом целеобразования. Потом говорим, нет! Нужен еще процесс поиска».*

Действительно, получается так, что в философском понятии деятельности сторонники деятельностного подхода пытаются увидеть психологическую реальность; между тем движение должно идти в противоположном направлении: сначала следует увидеть эту психологическую реальность, а уж затем примеривать к ней те или иные готовые философские конструкты. Гносеология есть плоскость встречи стремящихся друг к другу движений – философского и эмпирического. Нельзя увидеть реальность, только оперируя понятиями о ней. И тем более, нельзя вывести реальность из понятий. Понятийный разговор несхоластичен, только если понятия имеют вектор направления на обслуживаемую ими реальность. При обмене понятиями – в дискуссии, в рассуждении и т.п. – соответствующая им реальность должна быть рядом, обозримой. Должна иметься возможность указания: вот то, о чем мы говорим. Понятие всегда есть понятие о чем-то. В том числе и понятие «деятельность».

* Г.Е.Журавлев напомнил также, что понятийный деятельностный аппарат, с которым пытаются работать психологи «буквально относится к тому разделу Марксова анализа деятельности, который начинается словами: «Самым общим, самым, следовательно, частым и неопределенным одновременно является следующее понятие деятельности».

Совсем иначе понимается деятельность Давыдовым. Для него она самодостаточная реальность. И психическое надо увидеть не за ней, а в ней: «На мой взгляд любая деятельность субъекта психический аспект имеет. Любая! Тогда возникает вопрос: Что такое психический момент в любой деятельности? Я бы сказал, что в любой деятельности [имеется] психологический момент и, следовательно, система психологических представлений создается относительно потребности, задачи поиска и всего спектра движения субъекта по реализации этого поиска. Вот исходная психологическая реальность; она присутствует, естественно, в деятельности». Возникает ощущение, что, по Давыдову, психическое – это есть некий конструкт, то что мы сами вычленим в деятельности, какая-то (квази)когнитивная пристройка к целенаправленной деятельности.

По сути дела многие вопросы и недоумения, оговаривавшиеся на семинаре, имели откровенно дефиниционную природу. Спорившие и вопрошавшие неодинаково видели предмет психологии. Деятельность или, все-таки, психика? И те, кто полагал, что психика, задавал парадоксальные вопросы тем, кто совсем не видел в них парадокса, зная, что предмет психологии – деятельность. Типична в этом отношении неоднократно вспыхивавшая в обсуждении тема деятельностного редуционизма. Возможны обе формы редуционизма: сознательная и бессознательная; обе они относятся к объекту, т.е. понятие редуционизм обозначает то, что делают с объектом редуцирующего описания. Сознательный редуционизм: *A* – есть иллюзия самостоятельного объекта, на самом деле это есть *B* в специфических (а именно таких и таких) условиях. Бессознательный редуционизм: *A* объясняется или описывается в таких понятиях, что в конечном счете, или *de facto*, становится понятно, что *A* есть *B*. Поэтому естественно опасение деятельностного редуционизма у тех, кто склонен искать психику вне деятельности, и неусматривание (непонимание) опасений теми, кто уже на уровне объекта (предмета исследования) осуществил соответствующую подстановку.

Дефиниционный характер имели, в частности, «споры» А.В.Брушлинского с В.В.Давыдовым. (Порождается психическое в деятельности, или формируется? Действительно ли интериоризация является механизмом порождения психического? Возможна ли индивидуальная деятельность без психики? И др.) С точки зрения Брушлинского, его вопросы, фиксируемые им теоретические конфликты и парадоксы законны – и это так и есть, если встать на ту точку зрения, что цель психологии – поиск и определение онтологической основы психики. А с точки зрения Давыдова, этих парадоксов нет, ибо они начинаются там, где кончается то, что с его точки зрения может быть психикой.

Любопытен в этом отношении следующий эпизод. В ответ на слова Брушлинского «Общий тезис, который объединяет всех советских психоло-

гов, в той мере, в которой они признают проблематику деятельности... состоит в том, что человеческая психика формируется в деятельности и вне деятельности формироваться не может. Это не значит, что только в деятельности формируется и развивается психика, но это значит, что вне деятельности и без деятельности психика развиваться не может» – последовала одновременная реплика Г.М.Андреевой и Н.Ф.Талызиной: «А где же еще?! Скажите!...» Б.Ф.Ломов мог бы на это ответить, например: «В общении». Брушлинский отвечает как будто бы еще сильнее: В материнском чреве! (Или почти так. – Он говорит буквально: «...где-то в конце внутриутробного периода... возникают простейшие психические явления типа чувственных впечатлений... Как бы мы не понимали деятельность, но деятельности нет у плода на 8–9 месяце жизни, деятельности нет даже в первые минуты жизни, когда появляется младенец...» И т.д.) Но это-то как раз и оказывается аргументом вхолостую, ибо полностью противоречит, говоря в терминах Брушлинского, интериористскому определению психики. Для Давыдова, Талызиной и, получается, Андреевой эмбриологические данные полностью иррелевантны разговору, ибо уже по определению эмбрион – это до-деятельностная и, следовательно, до-психическая стадия развития субъекта.

«Интериористская» позиция в понимании соотношения понятий психика и деятельность была окончательно разъяснена в заключительном слове Давыдова. Фактически он говорит следующее. Психика – исходное, натурально исходное, понятие психологии. Это понятие фиксировало некоторую реальность все то время, пока не существовало понятие деятельность. Это последнее возникло, было введено, именно для того, чтобы лучше объяснить, сориентироваться в понимании той реальности, которая раньше обозначалась понятием психики. И оно, действительно! объясняет ее лучше (а точнее, только оно-то и объясняет). Таким образом, слово психика можно сохранить, но как полный (хотя и ненужный, излишний, донаучный) синоним деятельности. «Если бы меня спросили, где объединяются изучение психики и изучение деятельности, где они смыкаются, я бы сказал, что смыкаются в тот момент, когда мы подходим к изучению того и другого с позиций целевого детерминизма» [: 109].

Поэтому одинаково правы и Н.Ф.Талызина, и В.В.Давыдов, когда в ответ на заключительные слова закрывающего встречу А.А.Бодалева: «Мне кажется, что из того интересного, что прозвучало здесь, можно сформулировать следующее – по-прежнему предметом психологической науки остается психика» – они обмениваются следующими репликами. Н.Ф.Талызина: «Как бы не так!?» (Действительно, почему психика, если мы сняли ее в деятельности?) – В.В.Давыдов: «Да, нет, психика, конечно». (Пусть это называется психикой, изучать-то все равно мы будем деятельность.) Они правы тем более, что – как говорит в этом же своем заключительном выступле-

нии В.В.Давыдов – «Прежде чем говорить о связи психологии как таковой с понятием деятельности, нужно предварительно договориться, что мы будем понимать под психикой. И тем самым, кстати, что мы будем понимать под отражением» [: 109]. Что проку, следовательно, менять слова, если суть будет неизменной. А суть будет неизменной, ибо разговоров о психике, которая не-деятельность, много, но кто ее сумел продемонстрировать?

И здесь выступает на сцену критерий К.М.Гуревича.

Отдав должное диалектическим возможностям оппонентов, К.М.Гуревич сказал так: «В обсуждении отсутствует один совершенно необходимый марксистско-ленинский критерий. Это критерий практики. Когда этот критерий отсутствует... (по любому вопросу и на одинаковых правах) возникают ожесточенные дискуссии и разногласия. И в самом деле, если мы утратим критерий практики, то любое логическое расхождение может стать предметом не одного, а многих, не двух-четырех, а многотысячных обсуждений... Рассматривая вне практики категорию деятельности, мы ее, тем самым, замыкаем в кругу логических понятий и категорий, к чему она не приспособлена – это вытекает из самого ее марксистского определения» [: 52].

Строго говоря, тема практики впервые прозвучала в коротком выступлении Е.В.Шороховой в виде потонувшей в перекрестных уточнениях просьбы, адресованной Н.Ф.Талызиной, показать, в какой мере защищаемая ею и другими авторами доклада концепция готова к решению «конкретных, не методологических, а конкретно психологических вопросов». Затем И.И.Ильясов напомнил, что практика нуждается в здоровой теории, и что психологию ждут «трудные времена», если она своевременно не откликнется на соответствующие запросы выправлением своего теоретического корпуса. Однако, именно в выступлении К.М.Гуревича полностью прозвучало требование оценки деятельностной проблематики через призму ее практической пригодности, требование такой перестройки деятельностных представлений, чтобы практика оказалась включенной в их концептуальную структуру. Не удивительно, что в своем выступлении Г.П.Щедровицкий, предложивший интересные развития «практической» тематики, назвал тезис Гуревича «главным приобретением встречи».

Действительно, в сложившейся ситуации «тема Гуревича» приобретает чрезвычайное значение. Привычны ставшие расхожими афоризмы «Теория без практики мертва, а практика без теории слепа», «Практика – критерий истины» и т.п., и воспринимаются они чаще всего как напоминание ученому, что он не должен отрывать от практических запросов жизни и общества, что у каждой «чистой» науки должны быть прикладные выходы, как напоминание о гражданской и экономической ответственности ученого перед обществом и государством, и т.п. За всем этим забывается о том, что в рамках каждой науки существует проблема организации практики как сред-

ства и критерия теоретического движения, средства и критерия профессионального оформления теории. Речь здесь идет, иными словами, не о том, что теоретик должен работать, подумывая о потенциальном клиенте. Речь идет о том, что теоретик должен работать, имея в виду и непосредственно осуществляя процедуры немедленной практической отработки своих построений уже в пределах концептуального аппарата своей науки.

Теоретическая работа не есть только творческий полет, формально-логический поиск и изыск. Теоретическая работа предполагает практическую работу по организации теоретического знания, по систематизированию его, по увязыванию его с другими, смежными, альтернативными и т.п. конструкциями, словарную работу. Работа с термином предполагает существование области терминологии. Разработка термина (соответствующего понятия, реальности и т.п.) всегда есть осознание движения и перестройки словарного, следовательно – понятийного, следовательно – онтологического, следовательно – гносеологического поля дисциплины.

На такой основе становятся эффективным более привычные формы практической работы психолога: освоение собственно прикладной сферы, активный поиск в ней трудностей и проблем, которые в состоянии сама или совместно решать психология, и, соответственно, оценка готовности, адекватности теории быту.

Отсюда же следует, что принципиальная организация психологического знания должна быть такой, чтобы в самой его структуре содержались указания на потребность, способы и критерии практической проверки. Теоретик-психолог *обязан* формулировать критические для своей концепции эксперименты – мыслительные, логические, в том числе (как это делается, кстати, в физике и в других классических дисциплинах).

На важное обстоятельство указал в этой связи Г.П.Щедровицкий, напомнивший о методологической функции теории. Практическое замыкание ее (в традиционном понимании практики) важно не только потому, что обслуживаются люди и общество в целом, – одновременно, в рамках самой теории, уточняется диапазон предметного поиска, корректируются средства, четче обозначаются объективные границы, иерархизируются объектные представления и междисциплинарные структуры. Работоспособностью методик (подлинной, практической работоспособностью) определяется порядок приоритетов в их теоретическом обосновании, что, в свою очередь, задает направление более глубокого, собственно теоретического движения.

Но в моем рассказе всегда оказывается какое-нибудь «но». Говорит в своем заключительном слове В.В.Давыдов: «Насчет... утверждения Константина Марковича [Гуревича] о том, что такое критерий практики. Действительно, это верно... действительно, с точки зрения практики. ...Конечно, я признаю, наиболее значимо проверять с позиций практики на ны-

нешнем уровне требования психологии... не меньшая задача стоит перед теоретиками – разобраться в общем смысле тех понятий, которые мы используем. Но мне кажется, что одно другого не исключает... мне кажется, что эти работы должны совершаться одновременно» [: 103-104].

Пора закончить затянувшееся и невеселое изложение. Мы встретились с многими и многими вопросами. Надо ответить на них, и кто это сделает – защитники деятельностного подхода или их оппоненты – не так важно. Важно ответить на них, прежде чем окажется возможным следующий виток и раунд обсуждений. В работе семинара проявились худшие стороны нашей науки и именно в выпуклом отображении их я видел свою задачу. Естественно было бы завершить обзор выражением дежурного оптимизма, но труден такой оптимизм: «На моем веку 50 лет разговору об этой деятельности... а я бы не сказал, что в этой проблеме появились заметные продвижения к лучшему» (из выступления П.Я.Гальперина – : 66,75); «Я участвую в этих дискуссиях уже 20 лет, и последнее время особенно остро, а мы так и не выходим к обсуждению деятельностного подхода как такового» (Г.П.Щедровицкий – : 85-86); «Если дальше идти так, то и в следующее пятидесятилетие окажется, что сделан только очень маленький шаг» (Г.М.Андреева – : 95).

И все-таки хочется закончить текст традиционным пожеланием встречаться почаще (может быть даже сначала порознь, но с публикацией наговоренного), призывом к спокойному и академическому обсуждению внутри-профессиональных дел и, главное, призывом к более трепетному отношению к той тонкой материи, ради которой существует наука, – истине.

Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране и ближайшее будущее факультета психологии *

Документ название которого вынесено в заголовок этой статьи, имеет форму *проекта* – он еще открыт для обсуждения и не требует немедленных действий. Он, однако, предполагает необходимость действий в самом ближайшем будущем – действий решительных, конкретных, системных, действий государственно продуманных, взвешенных, рассчитанных. Пора, следовательно, начать всерьез думать, взвешивать, рассчитывать, зная, что этим мыслям и расчетам суждено стать реальностью. Настоящая статья является началом таких размышлений и приглашением к коллективному обсуждению всех затрагиваемых в ней авторами и сопряженных вопросов и проблем – приглашением, в первую очередь направляемым к нашим читателям – психологам. Выпускникам, сотрудникам, студентам и аспирантам факультета.

На следующие два обстоятельства хотелось бы прежде всего обратить внимание в связи с опубликованием Проекта (1 июня 1986 г.).

1. Нуждается в перестройке *вся* система высшего и среднего специального образования – иначе речь бы шла о перестройке лишь ее конкретных структур или элементов; это означает, что нуждаются в пересмотре самые широкие, задающие, принципы управления системой. Последнее означает, в свою очередь, что можно говорить о большем или меньшем благополучии отдельных учреждений в системе образования (по тем или иным параметрам социально-экономической оценки такого благополучия), но ни одно (!) учреждение не вправе претендовать на статус исключительности, свободу от необходимости радикально и рационально пересмотреть модель своего непосредственного будущего на основе скрупулезного, нелицеприятного, *государственного* изучения своего ближнего и далекого прошлого, своего настоящего.

Вместе с тем, в каждом отдельном случае принимаемые организационные решения должны носить строго индивидуальный характер, определяемый спецификой структурного места данного образовательного учреждения в системе его содержательных связей с «наукой», «производством» и «государством». Эта специфика, в свою очередь, определена историей формирования названных связей.

* Рукопись. В соавторстве с Е.А.Климовым.

2. От *каждого* работника системы образования требуется сейчас определенное усилие – по обдумыванию целей и направления перестройки в приложении к своему рабочему посту и своему учреждению, по конструктивному осмыслению неприемлемого более порядка вещей в своем деле, наконец – по осознанию самой необходимости перестройки.

Практическое воплощение перестройки предполагает и известное насилие над – собой, над постановкой своего дела, неизбежное когда зашедшее в тупик старое заменяется новым, когда ломаются старые стереотипы научного и организационного мышления, когда субъективно привычное и административно устоявшееся становится экономически неэффективным и социально бессмысленным.

Для университетской психологии (психологии, представленной на факультете психологии Московского университета) тема перестройки чрезвычайно актуальна. Как известно, специфические особенности развития психологии в нашей стране были, к сожалению, таковы, что ее отличают все еще неопределенная по настоящий день организационная слабость, невысокий прикладной потенциал, относительная теоретическая инкапсулированность при слабом развитии собственно теоретического, а также аналитико-критического аппарата.

В последние годы факультет старательно ищет выходы в практику, понимая, что только на этом пути можно подтвердить свою социальную нужность, получить необходимые стимулы для развития теории и т.п. Продолжая работу по созданию своей практики, важно не забывать, что в качестве «основного рычага перестройки высшего образования» Проект называет его «теснейшую интеграцию» как с производством, так и с *наукой* – т.е. интеграцию двuasпектную, диалектическую; в контексте такой интеграции должно быть найдено и решение задачи «перехода к новым принципам их взаимодействия».

Включаясь в движение за перестройку образования, необходимо помнить, что ее центральным требованием является коренное улучшение профессиональной подготовки специалистов как средство решения программной задачи ускорения социально-экономического развития страны. Эффективное участие в этом движении и в том деле, во имя которого сформировалось движение, требует от факультетской психологии коренного пересмотра сложившихся средств и способов своей профессиональной самоорганизации, средств и способов научного и практического контроля за состоянием и продвижением психологической теории, за практической эффективностью осуществляемых факультетом форм подготовки специалистов и т.п.

Можно указать по крайней мере четыре актуальнейших направления работы факультета, без которых невозможно его «обновление»; возможно, правильнее говорить здесь о четырех формах связей, которые он должен

интенсивно начать формировать в самое ближайшее время: 1) «факультет – практическая жизнь общества и государства», 2) «факультет – система подготовки психологов в стране», 3) «факультетская психология – советская психология в целом», 4) «факультетская психология – университетская наука и наука в целом».

Если первое направление едва ли вызывает вопросы, то три другие направления требуют, безусловно, специального разговора. Речь здесь фактически идет о необходимости лучшей интеграции психологии в системе современного научного знания и об установлении функционально эффективных внутривидовых связей с основными психологическими институтами страны – в том числе с академическими НИИ, кафедрами и факультетами психологии, с Обществом психологов (может быть следует подумать о создании самостоятельного отделения Общества психологов на факультете) и т.п. Поскольку предполагается, что «внешнеполитическая» деятельность этого типа (т.е. по четырем названным направлениям) будет рано или поздно в большей или меньшей степени осуществляться всеми учреждениями и объединениями психологов страны, то ее ожидаемым системным и «государственным» результатом должен явиться переход от состояния безответственного суверенитета таких объединений ко все большей их функциональной автономии в рамках все более выверенной профессиональной интеграции. Последнее и является, надо полагать, прагматическим содержанием призыва «принять меры по усилению связи вузовской, академической и отраслевой науки, преодолеть их разобщенность».

Содержащееся в Проекте указание на необходимость «совершенствовать структуру управления... факультетами», может быть адекватно реализовано только с учетом того обстоятельства, что первоочередным критерием оценки работы факультета как учебного учреждения было и будет качество практической подготовки выпущенного факультетом специалиста. С этой точки зрения задача перестройки требует принципиально новой постановки работы по обучению, повышению квалификации и переподготовке специалистов на основе перманентного оперативного контроля за эффективностью практической работы выпускников, а также контроля за тенденциями в формировании спроса на конкретные психологические знания и технологии. Оперативный контакт с выпускниками должен стать правилом работы факультета, прежде всего с целью принципиального недопущения и устранения – там, где они все-таки имеют место – разрывов между уровнем подготовки специалистов и запросами общественной практики.

В этом контексте становится понятным требование Проекта «обеспечить... высокое качество и научную обоснованность долгосрочных прогнозов, перспективного и текущего планирования ... образования с учетом тенденций и темпов развития производственных сил страны». Это, однако, ука-

зывает на необходимость наличия в структуре факультета подразделения, занимающегося прогностикой (что, однако, не исключает необходимости направленного сбора соответствующей информации сотрудниками факультета).

Необходимо также найти адекватный подход к вопросу о целевой подготовке специалистов – акцент, видимо, следует сделать не на индивидуальной целевой подготовке, а на целевом обеспечении конкретных больших программ; необходимость индивидуальной подготовки в любом случае должна быть подтверждена соответствующими документами и обязательствами, предполагающими обязательный последующий контроль. Акцент на договорных обязательствах по подготовке целевых специалистов позволит не только «поднять роль потребителя в оценке уровня подготовки кадров» (о необходимости чего говорится в Проекте), но и сделать его ответственным за характер использования специалиста.

В Проекте отчетливо прозвучала тема ответственности «министерств и ведомств, предприятий и организаций за обоснованность заявок на подготовку кадров, а также за решение вопросов закрепления молодых специалистов на производстве». Проект фактически вменяет вузу в обязанность требовать от «потребителей» психологических кадров предоставления программы «рационального использования» выпускников. Контроль за использованием специалиста не является, однако, сугубо внутриведомственным (или чуть шире, межведомственным) делом. В соответствии с Проектом, Госкомтруду СССР как принципиально надведомственному учреждению предлагается «усилить государственное инспектирование использования специалистов в народном хозяйстве с широким участием в этой деятельности органов управления высшими и средними специальными учебными заведениями». Факультет должен быть готов к таким инспекциям.

«Со своей стороны высшие учебные заведения должны усилить заботу о... постоянном профессиональном росте и повышении эффективности труда специалистов. Ставится задача, чтобы высшая школа безусловно обеспечивала поддержание высокого уровня знаний своих воспитанников на протяжении всей их практической деятельности».

Адекватные формы конструктивного диалога между психологами и производством еще предстоит найти. Между тем, пора начать подготовку к такому диалогу. Было бы крайне полезно, если бы все кафедры располагали сводками своих выпускников с указанием их профессионального статуса на настоящий день. На основании таких сведений можно было бы составить достаточно отчетливое представление о том, сколько выпускников занимаются педагогической, исследовательской или производственной деятельностью, сколько выпускников сохранили профессиональный статус (работают психологами), сколько ассимилированы смежными дисциплинами, сколько сме-

нили род своих занятий, как все они распределяются по годам выпуска и факультетской специализации и т.п.

Каждая кафедра должна располагать конкретным планом организации связи со своими выпускниками. Следует, видимо, сделать обязательной формой работы кафедр и факультета проведение «встреч выпускников». Следует также создать в факультетском журнале специальную рубрику «Трибуна выпускника» для публикации всех материалов, связанных с этой линией работы факультета.

В этой связи одной из ближайших конкретных задач является продумывание программы опроса выпускников, с тем чтобы максимально эффективно использовать получаемую информацию для корректирования работы кафедр. Представляет большой интерес также возможность выявить и оценить характер адаптации выпускников разных кафедр в различных производственных средах, адекватность их личностной подготовки, их подготовленность к самостоятельной научно-педагогической деятельности и многое другое.

Намеченная форма обратной связи лишь одна и частная («факультетцентричная») линия взаимодействия с выпускниками. Как указывается в Проекте, «в качестве первоочередной задачи объективно выступает всеобщее послевузовское обучение специалистов. Следует создать на новой основе единую государственную систему переподготовки и профессионального роста кадров». Необходимо осуществлять «непрерывное, оперативное пополнение их знаний». «В этих целях предстоит создать... различные постоянно действующие формы непрерывного обучения специалистов...», способные, частности, обеспечить то, «чтобы каждый специалист не реже одного раза в пять лет кардинально обновлял свои профессиональные знания... с отрывом от работы на срок до 3 месяцев». Сказанное означает, что в структуре факультета должна иметься служба информационного обеспечения кадров из числа выпускников. Эта служба, кроме того, должна уметь конденсировать информацию, накапливающуюся за 5 лет, в формат, который допускает усвоение ее в рамках сводных трехмесячных курсов.

(В Проекте отмечается также, что «в каждой отрасли целесообразно создать головной институт повышения квалификации [его] деятельности с работой служб научно-технической информации». Отмечается также необходимость «улучшить централизованное руководство системой подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров».)

У факультета, таким образом, появляется функция оперативного накопления, осмысления и трансляции достижений науки, передового опыта и т.п. Разумеется, такая работа должна быть общепрофессиональным делом и носить многоцелевой характер. Именно поэтому в Проекте предлагается «расширить работы по организации межвузовских сетей коллективного

пользования, банков информации, улучшить информационное обслуживание процесса обучения и научных исследований». В самое ближайшее время, следовательно, факультету предстоит резко улучшить информационное обеспечение учебной и педагогической работы студентов и сотрудников – в том числе средствами компьютерной техники. В этой связи предстоит также отчасти перестроить, отчасти оптимизировать всю систему форм и средств методической помощи студентам и преподавателям.

Факультету пора начать думать и об организации специальной службы по обеспечению самостоятельного повышения квалификации специалистами и выпускниками, что предполагает и умение оперативно и точно удовлетворять информационные запросы, организацию консультаций и практических демонстраций, осуществление контроля за уровнем знаний и т.п. При наличии на факультете хорошо интегрированного (в мир психологической профессии и в повседневный факультетский быт) справочно-информационного подразделения возможность этого может стать реальностью.

Заметим в этой связи, что среди важнейших общесоюзных программ Проект называет и «развитие производства товаров народного потребления и сферы услуг». Психологи, факультет психологии в частности, должны уметь профессионально и государственно выгодно изготавливать и реализовывать свой специфический «товар». В Проекте прямо говорится о необходимости «практиковать создание при вузах хозрасчетных курсов для граждан, желающих приобрести знания по определенной программе». Факультету следует как можно быстрее изучить возможности хозрасчетного консультативного обслуживания учреждений и населения: 1) по всему комплексу профориентационных услуг (организационно-методическое обеспечение профориентации в данном учреждении, профконсультация и профдиагностика, профподбор, профессиография, профадаптация, информация и пропаганда профессий), 2) консультирование во вопросам семьи и брака, воспитания в семье, 3) диагностика и преодоление трудностей в обучении, 4) консультирование по вопросам управления и научной организации труда, 5) обучение навыкам общения, 5) налаживание служб психологической разгрузки и др. Готовясь к такой работе каждая кафедра должна продумать доступные для реализации формы обслуживания, обеспечить себя четкими представлениями о правовых основах и экономических принципах соответствующей консультативной работы, разработать процедуры аттестации и переподготовки консультантов, очертить формы и содержание информационно-методического обеспечения их работы.

Можно, таким образом, говорить о становлении крайне важной и ответственной линии в работе факультета – по выявлению реальных потребностей общества в психологических кадрах и определению профессионально-квалификационной структуры требующихся специалистов; ее решение,

иными словами, невозможно без теснейшего, взаимозаинтересованного делового контакта с организациями-потребителями подготавливаемых психологических кадров.

Следует заметить, что выработка критериев последовательной (периодической) аттестации специалиста (результаты которой должны фиксироваться, как этого требует Проект, в его «квалификационном аттестате») поможет также разработке развернутой системы критериев конкурсной оценки научно-педагогических работников, регулярно осуществляемой факультетом.

Новым акцентам в подготовке специалистов должна как можно более точно соответствовать и стратегия выполнения факультетом научно-практических исследований. Последние, и это также требуется Проектом, должны быть ориентированы на участие в разработке комплексных народно-хозяйственных и межотраслевых научно-технических программ, на выполнение хозяйственных работ, связанных с решением крупномасштабных социально-экономических и научно-технических проблем на основе долгосрочных комплексных договоров. При этом максимально широкое внедрение должна получить практика «кадрового сопровождения» выполняемых факультетом разработок путем целенаправленной подготовки и переподготовки специалистов.

Сказанное с необходимостью требует отказа от традиции подготовки специалистов факультетом «от кафедр – к практике»; время требует перехода к принципу «от практики – к кафедрам». Это предполагает необходимость резкого повышения теоретико-практической мощи кафедр, их организационной мобильности (их готовности, в частности, к участию в практике «создания временных коллективов» из представителей факультета и специалистов отраслевых учреждений и предприятий «для экспериментальной доработки и внедрения эффективных новшеств»). Процесс перестройки в принципе должен показать адекватность существующей организационной (в том числе – кафедральной) структуры факультета.

Работа кафедр должна, кроме того, строиться не на основе узких интересов отдельных специалистов, а на основе, как уже было сказано, широких и долговременных программ целевого обеспечения практики. Каждая кафедра должна располагать списком таких программ (или их подпрограмм), подготовленным на основе изучения реального спроса на те разработки, которые она выполняет или потенциально способна выполнить (активный поиск точек приложения своих умений должен составить одну из обязательных линий работы кафедр; каждая кафедра, в частности, должна оценить возможность своего участия в разработке психологических основ «управления и организации производства» – одного из центральных рычагов ускорения научно-технического прогресса). Пропаганда психологических знаний – в первую очередь в ракурсе популяризации кафедральной тематики – в сфе-

рах, способных стать потенциальным потребителем и заказчиком соответствующей информации (т.е. стать деловым партнером), должна быть важным и обязательным моментом в работе кафедр.

Сказанное указывает также и на необходимость качественного и количественного обогащения системы критериев, по которым производится оценка работы кафедр (в частности в рамках социалистического соревнования между кафедрами). Причем оценка эта должна быть прямо связана с их деятельностью по реализации программы перестройки высшего образования. Важным элементом такой оценки должен стать и характер выполнения кафедрами хозяйственных работ. Должно учитываться, в частности, то, в какой мере кафедрам удается установить с заказчиком «долговременные» отношения как с сознательным, заинтересованным, компетентным потребителем психологических знаний, насколько удается им осуществлять втягивание хозяйственных организаций в профориентационную работу, проводимую факультетом, насколько хозяйственный договор расширил «социальный заказ» на выпускника факультета, возможности его распределения, насколько данный хозяйственный договор стал поводом и возможностью для пропагандистского вторжения психологии в соответствующую сферу практики, для повышения психологической культуры данной социально-производственной структуры. Следует всячески поощрять изыскание кафедрами возможностей проведения совместных научных исследований на базе хозяйственных (т.е. исследований с привлечением сотрудников хозяйственных организаций), возможностей создания совместных лабораторий, экспериментальных производств и т.п. Хозяйственный договор должен стать, кроме того, каналом встречного информационного движения. Формой обратной связи от практики – к факультету.

Особое внимание предстоит уделить требованиям Проекта, связанным с «воспитанием гармонично развитой, общественно активной личности специалиста», реализацией в этом деле «индивидуального подхода». В этой связи необходимо продумать и осуществить систему направленного отбора для обучения на факультете наиболее подготовленных юношей и девушек, в частности – в этих целях: сформулировать критерии подготовленности и критерии оценки склонности к занятиям психологией, разработать мероприятия по профессиональной ориентации молодежи на психологические профессии и методы раннего выявления и развития соответствующих склонностей и способностей у школьников, разработать критерии оценки эффективности и объективности конкурсного отбора и многое другое.

Учитывая значение для решения задач перестройки решительной активизации аналитического и творческого начала в работе студентов (как, впрочем, и сотрудников), необходимо безотлагательно начать сбор по кафедрам предложений по усовершенствованию учебных планов и программ – именно с точки зрения формирования навыков самостоятельного, твор-

ческого мышления, дать оценку перспектив индивидуальной работы с будущими специалистами – в том числе собрать покафедральные предложения о введении факультативных курсов и дисциплин по выбору (аналогичные сведения должны быть запрошены также у студентов всех курсов) и сопоставить их с данными соответствующего опроса выпускников факультета. В этом контексте должны быть выработаны критерии перевода студентов на индивидуальный учебный план – в том числе с продленным сроком обучения со стажировкой на предприятиях и др.

С этой же целью следует подвергнуть тщательному анализу то, как в принципе осуществляется на кафедрах текущий контроль за качеством теоретической и практической подготовки студентов и выпускников (и, следовательно, – за качеством преподавательской работы), как осуществляется контроль за обеспечением студентам условий для самостоятельной работы, что в принципе для этого делается.

Кафедры должны уметь оценивать адекватность философской подготовки своих выпускников, их математической, методологической, общенаучной, экономической, экологической и т.п. подготовки, адекватность навыков управленческой и организаторской работы, общей культуры, достаточность их знаний о современной школе, педагогических и дидактических методах, осведомленность в новых направлениях науки и техники. Важным показателем общей культуры выпускников должно выступить знание ими актуальных задач и проблем общественного развития. Под этим углом зрения необходимо оценить достаточность представленности в учебных планах факультета дисциплин и курсов медико-биологического цикла, культурно-гуманитарного цикла и т.п.

Осуществляя поиск оптимальных средств перестройки, необходимо научиться учитывать мнения и предложения студентов, касающиеся организации учебного процесса и повышения качества преподавания. Обязательно и регулярно вместе со студентами должны анализироваться качество и организация проводимых на факультете конкурсов студенческих научных работ, деятельности научно-студенческого общества, производственной практики и т.п. Только на этом пути возможно создание условий для реализации требуемых Проектом состоятельности в овладении знаниями, индивидуализации учебной и воспитательной работы со студентами для овладения ими навыками адаптации к реальным социально-трудовым условиям и др.

Работа «по-новому» предполагает также точную оценку реального состояния материальной базы работы факультета – в том числе помещений (памятуя об указании «довести учебно-лабораторные площади вузов... до установленных нормативов»), оборудования, канцелярского обеспечения, наглядных пособий, технических средств обучения и т.п. Необходимо оце-

нить потребности во всем названном (имея в виду резкое повышение уровня учебного процесса), разработать нормативы и обоснования необходимого оснащения. Факультет должен располагать перспективным планом компьютеризации, предполагающим – помимо прочего – использование персональных компьютеров и терминальных устройств. Учитывая требование Проекта «увеличить поставки полиграфического оборудования и множительной техники для высшей школы», надо спроектировать потребности факультета и кафедр в такой технике.

Совместно с общественными организациями предстоит, не медля, приступить к «организации на современном уровне бытового обслуживания студентов и сотрудников». В этих целях необходимо дать санитарно-гигиеническую оценку помещений факультета, условий труда сотрудников и студентов в целом; следует оценить, в том числе, возможности питания, необходимость в душевых, возможности участия в оздоровительных мероприятиях, спланировать саму структуру таких мероприятий.

* * *

Мы коснулись лишь некоторых, лежащих на поверхности и непосредственно диктуемых Проектом вопросов перестройки деловой жизни факультета. Они нуждаются еще в дальнейшем обсуждении, систематизации, «технологической» отработке. Список предстоящих дел будет, несомненно, пополнен, и еще предстоит определить порядок приоритетов намечаемых работ. Ясно одно – «квалификация, компетентность кадров и их высокая гражданская ответственность во многом определяют масштабы и темпы научно-технического прогресса, интенсификации народного хозяйства». Факультетские психологи обязаны внести свой вклад в решение программной задачи ускорения социально-экономического, научно-технического и культурного потенциала своей страны.

Психология и перестройка

(заявка на грант) *

Предлагаемое исследование, предназначенное для публикации в виде монографии, будет посвящено изучению советской психологии как одной из составляющих текущего движения по перестройке экономики, государственного устройства и общественной жизни в СССР. Исследование должно способствовать лучшему пониманию сложного взаимодействия психологических, социальных, экономических и идеологических факторов в процессе перестройки.

В рамках запланированного исследования будет произведен анализ того, что означает перестройка применительно к самой психологии. Перестройка в психологии может послужить иллюстрацией перестройки в целом; трудности перестройки в психологии сходны с теми трудностями, которые тормозят общий процесс перестройки, и корни у них общие.

В основе исследования лежит идея, что экономические и социальные цели, выдвинутые перестройкой, не смогут быть достигнуты, пока не будут созданы условия для превращения советской психологии в зрелую профессию и пока ее результаты и приложения не найдут себе широкого применения. Усилия Советского Союза по удовлетворению психологических потребностей своего населения послужат индикатором его превращения в более гуманное общество.

В исследовании будут рассмотрены практические пути политической и экономической модернизации в социалистических государствах и обществах советского типа. Будет также предпринята попытка выявления препятствий на пути сотрудничества государственных, общественных и научных институтов.

Результаты исследования могут помочь американским и, возможно, даже советским политикам в более точном определении целей и природы отношений между США и СССР.

В исследовании предполагается использование русскоязычных документов, включая партийные и правительственные директивы, журнальные и газетные материалы и материалы архивов, а также данные опросников, переписку и записи интервью.

В течение последних нескольких лет в СССР происходит движение, направленное на радикальное преобразование экономики, государства и общества. Это движение (перестройка) требует от советских людей радикального пересмотра представлений о себе и об окружающем мире. Перестройка не только несет в себе надежду на исторические перемены в отношениях между так называемыми капиталистической и социалистической системами. Она в принципе меняет наше видение социальной эволюции современного мира. Появляются реальные возможности для: а) мирного сосущество-

* Перевод с американского оригинала.

вания стран с различными идеологическими и политическими системами, и б) сближения соответствующих политических и идеологических ценностей на базе общих представлений о желаемом будущем человечества.

Однако различия между двумя системами, которые в прошлом столь часто приводили к разнообразным формам конфронтации, сами собой не исчезнут. Мирное разрешение потенциальных конфликтов, организация международных служб и программ по улаживанию конфликтов потребуют, среди прочего, точного знания мотивов, стоящих за соответствующими индивидуальными и институциональными решениями и действиями. Предлагаемое исследование ставит своей целью раскрытие сложного взаимодействия психологических, социальных, экономических и идеологических факторов, стимулирующих, направляющих или тормозящих перестройку.

Перестройка требует максимального использования всех возможных ресурсов, сколь бы они ни были деформированными, рудиментарными или лишенными силы. Одним из таких ресурсов является наука и профессия психологии, которая была практически запрещенной в СССР в течение почти 15 лет – с начала 30-х годов. (Хотя психология и была «реабилитирована» государством в середине 60-х, она так и не оправилась после периода угнетенного существования).

В исследовании советская психология будет рассматриваться как одна из составляющих осуществляемых в настоящее время усилий по перестройке СССР и по изменению его имиджа внутри и вне страны; анализу будет также подвергнуты возможности перестройки применительно к самой психологической науке. Мы исходим из того, что трудности перестройки в психологии подобны тем, которые тормозят перестройку в целом, и что они имеют те же корни. История психологии прямо отражает историю государства и историю общества.

Потенциальное значение психологии для перестройки можно проиллюстрировать двумя известными лозунгами, которые мы часто слышим из уст советских руководителей: призывом к «новому мышлению» и к более широкой и эффективной опоре на «человеческий фактор». Психология же – это единственная научная дисциплина, целиком посвященная изучению человека как инициатора и исполнителя собственной деятельности.

Психология также была традиционным поставщиком данных для множества различных приложений. Важно поэтому понимать отношение к психологии в стране, которая себя «перестраивает».

В какой мере государство понимает психологию и нужду в психологической экспертизе как средстве построения гуманного общества? Каково место психологии в широком контексте «перестройки»? Как она применяется – или может эффективно применяться – к существующим механизмам социальной политики?

Ответы на эти вопросы смогут помочь в определении вероятных направлений развития перестройки, вероятных направлений действия ее лидеров и теоретиков, ожидаемых уровня и качества общественных преобразований, характера той помощи, которая нужна Советскому Союзу для удовлетворения гуманитарных потребностей его населения, и тех усилий, которые он готов приложить для достижения этих целей, тех препятствий и опасностей, которые необходимо предвидеть и избежать. Короче говоря, ответы на эти вопросы важны, если мы хотим ответить на вопросы более общего порядка: насколько ново новое мышление? насколько человечен акцент на человеческий фактор?

В основе предлагаемого исследования лежит то предположение, что трудности проведения перестройки в психологии сходны с теми трудностями, что встают на пути перестройки вообще. Мы также исходим из представления, что ключевые события в эволюции советской психологии прямо определялись событиями, происходившими в истории советского государства и общества. Необходимо поэтому рассматривать события в советской психологии в общеисторической перспективе.

В России, как и в других странах, психология складывалась постепенно. По мере того, как психология превращалась в самостоятельную науку, сменяли друг друга различные представления о ее практических задачах и функциях. Методологическими трудностями и дискуссиями сопровождалось отделение психологии от философии и превращение ее в объективную, экспериментальную науку. В ходе интеграции психологии в существующий научный истеблишмент вставали трудности, связанные с междисциплинарной кооперацией. Существовала и более общего характера проблема – то, что советское государство и общество не были готовы обеспечивать и соблюдать человеческие и гражданские права индивида.

В мировой психологии нет единства относительно того, что составляет предмет этой науки. Сам термин «психология» в действительности служит обозначением конгломерата фундаментально различных психологических школ, каждая из которых по-своему определяет свои предмет и границы. Они, соответственно, ориентированы на изучение различных явлений, на различные сферы применения и различные методологии. Более того, каждая из этих отдельных школ склонна к закрытости от внешних влияний. Лишь в недавнее время стала складываться противоположная тенденция к объединению разных теорий в одну, широкую и интегрированную теорию.

Советская психология, разумеется, не является в этом отношении исключением. Но в дополнение ко всем другим проблемам, осложняющим развитие этой дисциплины, советская психология еще и испытывала мощное давление со стороны государства и последствия феномена, который мож-

но назвать «огосударствлением» науки в целом. В результате психология выработала собственные изолированные защитные механизмы для того, чтобы обеспечивать своим представителям выживание (часто в самом буквальном смысле слова). Как следствие этого, советская психология сегодня представляет собой весьма эзотерическое, даже экзотическое сочетание конфликтующих теоретических, методологических и прикладных концепций и устремлений. Ни сами советские психологи, ни внешние наблюдатели не имеют ясного представления о том, что именно представляет собой современная советская психология и как она связана с той психологией, которая существует в остальном мире.

Все это предоставляет исследователю возможность изучать то, что можно назвать «мутагенным потенциалом» перестройки. Уже существует понимание того, что все институты общества должны радикально измениться. Однако психологическая профессия в СССР почти полностью умерла как социально продуктивный организм и нуждается поэтому для своего возрождения во введении свежего «генетического материала» извне. Может ли перестройка дать такой материал? Существует ли он вообще в обществе? Способны ли лидеры перестройки предпринять соответствующие усилия и меры?

Предлагаемое исследование, таким образом, поможет пониманию ряда общих проблем, связанных с перестройкой. Судьба психологии имеет ключевое значение для перестройки, которая, в конце концов, представляет собой процесс, запущенный сверху с целью воздействовать на совокупность факторов, определяющих развитие больших групп взаимосвязанных социальных структур.

В частности, данное исследование должно иметь своим результатом более полное представление о взаимопереплетении различных параметров, характеризующих перестройку: субъективных факторов (относящихся к индивидам, работающим в этой области), внутридисциплинарных (структурных и организационных) и внедисциплинарных (административных, политических и идеологических) факторов. В исследовании предполагается также рассмотреть те черты советского общества, которые наложили свой отпечаток на психологию, такие как подавление инициативы, общее падение культуры обсуждения и недостаток координации между социальными, экономическими и политическими элементами общества.

Короче говоря, исследование позволит лучше понимать перспективы, открываемые перестройкой для советской науки, через описание того, что является, может быть, ее самым экзотическим и в то же время самым униженным подразделением.

В исследовании будут проанализированы следующие аспекты предмета:

- История советской психологии. Прогностическая ориентация исследования требует, чтобы специальное внимание было уделено генезису более широкой системы, внутри которой развивалась психология. Этот ретроспективный анализ необходим для того, чтобы понять, почему в Советском Союзе не существуют такие привычные для западных обществ области приложения психологической экспертизы, как *industrial engineering*, *vocational guidance* и «социальная работа» (*social work*). Пробелы в накоплении психологических данных поэтому легко объясняются отсутствием в Советском Союзе соответствующих инфраструктур, составляющих непреходящую принадлежность адекватно развивающейся экономики.
- Текущий статус советской психологии. Имеется в виду описание того, как советская психология вписывается в организационную структуру советских правительственных, социальных и научных институтов, а также анализ социальных потребностей и социальных служб в СССР. (Исследование будет содержать схемы и указатели, которые смогут служить кратким справочником по современной советской психологии).
- Практические возможности реабилитации и возрождения психологии; практические возможности эффективной интеграции психологии и перестройки. Результаты исследования помогут, я полагаю, пониманию и, следовательно, устранению тех идеологических, административных и организационных ограничений, которые сдерживали превращение психологии в общественно-полезном и интеллектуально удовлетворительном направлении. Исследование должно ясно показать, что надлежащее развитие психологии требует выхода за пределы психологии как таковой. Психологию следует рассматривать как составляющую много более широкой системы – как науку среди других наук, как общественный институт среди других общественных институтов, как систему картин мира и идеологических ценностей среди других таких систем.

В исследовании также будет уделено внимание процессу развития тех глобальных, международных дисциплин и усилий (в контексте широкого экологического движения за сохранение природных ресурсов), которые нацелены на сохранение и поддержание человеческих ресурсов, на создание адекватной, творческой и благоприятной среды жизни человека. Среда, которая бы полностью обеспечивала удовлетворение физических потребностей человека и его социальных, интерперсональных и интра-институциональных запросов.

Правильное понимание внутренних механизмов социальной жизни в СССР поможет американским и советским политикам ставить более прак-

тичные цели в работе по поддержке продуктивных форм исследования и обсуждения и по установлению лучших отношений между США и СССР и будет способствовать их большей эффективности в этом. Исследование должно, с одной стороны, выявить места приложения уже имеющегося психологического знания и указать пути и направления плодотворного сотрудничества в получении недостающего знания

В исследовании будет обсуждаться все многообразие практических областей, где могут и должны применяться психологические данные. В Советском Союзе ощущается острая нужда в техниках решения социальных и психологических проблем подростков, пожилых людей и людей с различными видами недостатков. Серьезные проблемы связаны с распространением алкоголизма и наркомании. Существует нужда в семейном и брачном консультировании, в программах профориентации, в обучении менеджменту, в профессиональной переподготовке и консультациях в области управления и общественных связях (*public relations*). В Советском Союзе полностью отсутствуют управление зарплатой (*wage and salary administration*) и многие другие управленческие техники. Будучи в СССР в течение многих лет «увечной», психология так и не смогла развить все эти прикладные области. Сегодня, во время перестройки, они необходимы как никогда раньше.

Таким образом, существует богатое поле возможного сотрудничества между СССР и США – страной, где применение психологии в прикладных целях много более развито. В США накоплен огромный опыт такого рода, который в условиях перестройки может легко преодолеть идеологические барьеры. Я надеюсь, что в результате этого исследования будет разработана образовательная программа, включающая в себя двусторонние встречи и семинары, посвященные человеческим факторам в производственных и социальных средах.

Исследование, таким образом, призвано способствовать повышению эффективности процесса установления взаимопользных и более гармонических отношений между США и СССР. Оно должно также продемонстрировать практические (и, как предполагается, безболезненные и эффективные) пути политической и экономической модернизации в социалистических государствах и обществах советского типа.

Предлагаемое исследование должно привлечь внимание широкого круга исследователей и специалистов, которые могут извлечь пользу из его результатов; в их числе, разумеется, психологи, но еще и политологи, историки науки, экономисты, специалисты в области управления, а также социологи, философы, журналисты, дипломаты и другие лица, специализирующиеся на проблемах Советского Союза, пишущие на эти темы и определяющие политику в этой области.

Прошлая история Советского Союза была, как хорошо известно, историей зверского угнетения собственного населения, жестоких военных операций и подрывных действий за рубежом. И хотя наиболее отталкивающие формы противостояния остальному миру ушли в прошлое, все еще существует в большой мере напряженность как внутри страны, так и в ее отношениях с миром в целом, а новые, связанные с перестройкой процессы создают новые, иногда трагические с точки зрения своих человеческих затрат и последствий, противоречия и конфликты.

Поэтому-то столь важно понять природу и динамику тех «тектонических» сил, которые накопились и продолжают накапливаться в обществе и которые должны быть нейтрализованы. Фактически, мы здесь говорим об отдельных людях и их политических, идеологических, этнических, религиозных и т.д. группах и ассоциациях, представляющих силы, действующие внутри страны и на международной арене. Необходимо понимать структуру и факторы, мотивирующие внутреннее и внешнее поведение советских людей и институтов. Исследование должно пролить дополнительный свет на их сознательные и бессознательные установки, вербализованные и невербализованные допущения, на идеологии, практики и структуры, воплощенные в различных (хотя и взаимодействующих) социальных институтах и в языке, которым они пользуются.

Анализ психологии, предпринятый в такой перспективе, крайне важен, поскольку это анализ науки, которая возникла и развивалась как специальный инструмент, предназначенный для того, чтобы помочь человеку в понимании своих проблем и проблем других людей, помочь ему (или им) искать и находить общие решения, не прибегая к вражде, насилию и розни.

Предлагаемое исследование будет в большой мере опираться на мой личный опыт участия в жизни советского академического сообщества и работы в Государственном комитете по труду и социальным вопросам. В нем будет использована литература на русском и других языках, включая партийные и правительственные документы, журналы и газеты, архивные материалы, а также данные опросов, переписка и интервью. Работа потребует доступа в научные библиотеки и архивы. (Меняющиеся правила и атмосфера в Советском Союзе дают надежду на получения доступа в советские архивы и к источникам информации, которые прежде носили закрытый характер.)

Насколько мне известно, никто еще не предпринимал попытки систематического исследования советской психологии как науки, профессии и института, оценки ее статуса в советском государстве, ее отношений с перестройкой в целом и того, как может перестройка произойти в самой психологии.

План предлагаемого исследовательского проекта

1. Описание текущего статуса психологии

- 1.1. Советская психология: особая наука
  - 1.1.1. Особое место психологии в системе советской науки
    - а) «третье» состояние: ни гуманитарная, ни естественная наука
    - б) традиция отвержения психологии со стороны «традиционной» науки
  - 1.1.2. Особое место в системе АН СССР (и в системе академических институтов)
  - 1.1.3. Особое место в системе университетской науки и системе высшего образования в целом
  - 1.1.4. Особое место в системе мировой психологии
    - а) понятия и техники, принятые в мировой психологии и отвергаемые в советской
    - б) история того, как психология становилась все более эзотерической
    - в) теория деятельности
  - 1.1.5. Особое место в истории советской науки
    - а) «четвертый путь» (почти закрытая наука, развитие на заднем дворе)
    - б) три других пути: подчинение государству и государственной идеологии (для науки в целом), закрытие нежелательной или неприемлемой науки (типичные примеры – генетика, кибернетика), недопущение появления новой науки (например, социологии, науки об управлении)
- 1.2. Оргструктура и организационный статус советской психологии (кто есть кто и что есть где):
  - 1.2.1. Система психологических институтов
    - а) место Всесоюзного общества психологов в системе советских (общественных) научных обществ, ассоциаций и т.д.
  - 1.2.2. Место психологии в структуре образования
  - 1.2.3. Психологические кадры
    - а) структура подготовки
    - б) принципы обучения
    - в) принципы трудоустройства
  - 1.2.4. Система научного и практического контроля над профессиональной подготовкой психологов
  - 1.2.5. Потoki психологической информации
    - а) общая система информации
    - б) публикационная деятельность

- в) типология психологической литературы
- г) существующие информационные хранилища (принципы организации и систематизации и т.д.)
- д) существующие системы поиска психологической информации (принципы организации каталогов и т.д.)
- е) перевод психологической литературы (принципы отбора, качество перевода и т.д.)

1.3. Содержание и структура советской психологии

- 1.3.1. Направления, тенденции и качество теоретических исследований
- 1.3.2. Направления, тенденции и качество прикладных исследований
- 1.3.3. Степень открытости (гласность); дискуссии в психологии
- 1.3.4. Сопоставление междисциплинарной кооперации в сфере социальной работы в СССР и США
- 1.3.5. Сопоставительное исследование функционирования психологического знания в социально-экономической сфере в СССР и США, особенно в сфере управления и сфере услуг

2. Исторический анализ

- 2.1. Специфика психологии как науки
  - 2.1.1. Очерк развития мировой психологии
    - а) меняющиеся представления о предмете психологии
    - б) параллельные антропологические концепции: религиозный, социально-утопический, социологический, криминологический, психиатрический и т.д.
    - в) психология и глобалистско-системные тенденции в философии и науке
- 2.2. Специфика развития русской психологии
- 2.3. Специфика развития советской психологии
  - 2.3.1. Попытки выработать:
    - а) марксистскую психологию
    - б) объективную психологию
    - в) экспериментальную психологию
    - г) полезную психологию
  - 2.3.2. Психологические нужды и запросы нового общества
    - а) в поисках предмета
    - б) психологическое движение
    - в) психоаналитическое движение
    - г) педологическое движение
    - д) место психологии в системе органов управления и контроля в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е годы и в период 60–80-х годов

- е) конфронтации с официальной идеологией, практикой управления, реальностью экономической жизни, теоретическими и практическими подходами к образованию, доминирующими культурными тенденциями (социальный конструктивизм, пролетарская культура), доминирующими естественнонаучными представлениями, доминирующими инженерными и научно-техническими представлениями
- ж) коммунистические идеи «нового человека» и «нового человечества» (новые образы семьи, труда, мужчины и женщины, ребенка, будущего) вносили коррективы и искажения
- з) мышление советского психолога как особый вариант научного мышления и особый вариант творческого мышления

3. Перспективы: психология и перестройка

- 3.1. Идеологический смысл перестройки
- 3.2. Прагматические цели перестройки
- 3.3. Социальные программы перестройки
- 3.4. Меняющиеся образы советского государства и общества
- 3.5. Перестройка и международные отношения
- 3.6. Перестройка и Запад
- 3.7. Прикладной потенциал перестройки
- 3.8. Перестройка и отношения США–СССР
- 3.9. Прикладной потенциал психологии
- 3.10. Организационные возможности
- 3.11. Возможности интеграции и ассимиляции; опасности дезинтеграции и диссимиляции
- 3.12. Механизмы реанимации и реабилитации
- 3.13. Условия, необходимые для оптимального развития
- 3.14. Оптимальная модель функционирования
- 3.15. Внешние ограничения и механизмы блокировки
- 3.16. «Социальный заказ»: адекватность восприятия психологии извне
- 3.17. Оптимальные модели междисциплинарной кооперации
- 3.18. Интенсивные и экстенсивные параметры использования психологического знания – как индикаторы социальной, гуманистической ориентации перестройки и общества в целом.

Русско-американская программа содействия российской психологии

О создании Директората по подготовке «Российско-американской программы содействия психологической науке в России»

Нижеподписавшиеся приняли следующее решение:

1. Создать Директорат по подготовке «Российско-американской программы содействия психологической науке в России»
2. Главными функциями Директората являются
  - обсуждение и принятие программы содействия психологической науке в России
  - определение приоритетных направлений
  - изыскивание возможностей, организация мер по реализации программы
3. Директорами-учредителями являются подписавшиеся ниже А.В.Брушлинский, Е.А.Климов, В.В.Лучков, В.В.Рубцов
4. Уполномочить В.В.Лучкова быть директором-координатором российско-американских программ содействия психологической науке в России
5. Директорат должен состоять из 11 человек: 5 с российской стороны, 5 с американской стороны, 1 директор-координатор
6. Уполномочить российских директоров-учредителей кооптировать, с согласия всех членов Директората, дополнительное количество членов Директората с российской стороны
7. Уполномочить В.В.Лучкова кооптировать, с согласия всех членов Директората в его состав представителей американской стороны
8. Провести осенью 1993 г. собрание Директората в полном составе с целью обсуждения развернутой российско-американской программы содействия психологической науке в России.

*А.В.Брушлинский
Е.А.Климов
В.В.Лучков
В.В.Рубцов*

Россия, Москва

2 июля 1993 г.

Протокол заседания Директората «Российско-американской программы содействия психологической науке в России»

Приняты следующие решения:

1. Считать предварительно, до намеченного на осень 1993 г. собрания Директората, приоритетными следующие направления содействия психологической науке в России:
  - создание системы информационного обеспечения психологической науки в России;
  - организация систематических ознакомительных конференционных встреч российских и американских психологов;
  - организация издательского комплекса для российской психологии;
  - создание системы целевой подготовки (студенческой и послевузовской) российских психологов в американских психологических учреждениях;
  - поддержание фундаментальных (прежде всего – экспериментальных) психологических исследований.
2. Уполномочить В.В.Лучкова изучить возможность помощи с американской стороны в осуществлении практических мер по реализации пунктов программы, признанных Директоратом приоритетными.

Протокол составил В.В.Лучков 2 июля 1993 г.

Состав Директората «Российско-американской программы содействия психологической науке в России»

Директора-учредители:

- А.В.Брушлинский** (директор Института психологии Российской академии наук, Москва)
Е.А.Климов (декан факультета психологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Москва)
В.В.Рубцов (директор Психологического института Российской академии образования, Москва)

Директор-координатор

- В.В.Лучков** (вице-президент Центра Российско-американских обменов, Москва/Сан-франциско)

*Комментарии к
«The Russian-American Assistance Program for Psychology in Russia»*

Летом 1993 года в Москве по моей инициативе был создан Directorate for the preparation of «The Russian-American Assistance Program for Psychology in Russia».

В основе следующего ниже текста лежат «Тезисы к заседанию Директората “Русско-американской программы содействия российской психологии” (2 июля 1993 г.)».

Фактически эти тезисы представляют собой обобщенные и дополненные мною предложения, подготовленные по моей просьбе членами Директората (А.В.Брушлинским, Е.А.Климовым, В.В.Рубцовым), а также некоторыми другими московскими психологами.

Здесь уже, в Стемфорде, я эти тезисы переструктурировал, слегка расширил и прокомментировал и теперь представляю на дальнейшее обсуждение.

Мое понимание дела таково, что логически первым движением в работе Директората (и моим движением по реализации решения Директората) должна быть «организация систематических ознакомительных конференционных встреч российских и американских психологов». В процессе организации и проведения таких встреч можно будет реально оценить «энергию» интереса названных сторон друг к другу, выделить инициативных людей или целые инициативные институции, реально оценить, что возможно и что невозможно в плане оказания практической помощи российской психологии, сформулировать конкретные планы и действия.

Поэтому прежде всего я приведу список предложений по проведению совместных конференционных (семинарских) встреч.

Два предварительных замечания:

1. Имеется в виду, что практически все конференции должны проводиться в Москве (или где-то еще на территории России), потому что а) именно там необходима соответствующая информация и б) именно там можно обеспечить представительную и максимально широкую аудиторию заинтересованных потребителей предлагаемой информации.

2. Подразумевается также, что порождаемые в процессе работы конференций материалы будут иметь сопоставительный характер и что, тем самым, американские участники конференций будут получать взамен богатый исследовательский материал.

Предложенные Директоратом конференционные встречи можно разделить на две большие группы:

- Конференции ознакомительно-информационного характера, касающиеся прежде всего системной организации, структуры психологии в США.
- Конференции более содержательного характера, ориентированные преимущественно на теоретические и прикладные аспекты психологии в обеих странах, а также на выявление существенных различий в тенденциях развития психологии в СССР/России и в США.

Здесь необходимо сделать еще несколько замечаний. В основе самой идеи создания “The Russian-American Assistance Program for Psychology in Russia» лежат следующие факты:

1) Психология в России крайне слабо развита и как академическая наука и как прикладная профессия. По сравнению с психологией в США, например, о ней вообще трудно говорить как о реально существующем социальном органе. Ситуация с психологией не есть что-то уникальное в бывшем СССР. Практически все научные дисциплины, имеющие отношение к сферам Social Work или Helping Professions, или просто не появились в СССР (и теперь не существуют в России), или же были превращены в недееспособных уродцев. Нетрудно догадаться, что и сами эти сферы практической работы по обслуживанию населения (Social Work и Helping Professions), в том виде как они существуют в США, просто напросто отсутствуют в России.

В то же время,

2) необходимость мощного ассимилирования современной российской культурой психологических знаний, вообще современных представлений о человеке, его потребностях и способах обслуживания этих потребностей, необходимость появления в современном российском обществе и государстве механизмов использования таких знаний во имя повышения качества жизни жителей России – признается одной из главных желаемых целей происходящего в стране в последние годы перестроечного движения. Но параллельно с этим, как естественный результат коллапса искусственных конструкций коммунистического режима,

3) и без того маложизненная психология, именно в силу своей общей политической слабости и загнанности в системе российской науки, в силу традиционного отсутствия системных привязок к экономическим механизмам, практически лишена государственных, социальных и экономических механизмов, практически лишена внутренних средств развития.

Имеет место, таким образом, очевидный парадокс. Мощно нарастает социальный заказ на психологическую работу. Столь же мощно, по сравнению с предыдущими десятилетиями, нарастает вал спонтанной, самозванной, «дикой», почти шарлатанской практической (квази)психологической работы. И в то же время, академическая психология теряет людей, лаборатории, научную культуру, пауперизируется.

Практически, в контексте предложений Директората, сказанное означает, что американским психологам есть, что рассказать, а российским психологам есть, что послушать, Пространство для оказания помощи огромно. В то же время наивно и не следует полагать, что американский опыт, американские организационные и структурные схемы и механизмы могут быть механически имплантированы в современную российскую действительность. Не говоря уже об отсутствии в России средств на финансирование подобных операций.

Целесообразно поэтому процитировать здесь содержащиеся в «Тезисах Директората» принципиальные предложения, касающиеся общественного резонанса предлагаемых им мероприятий:

*

Общественный резонанс мероприятий Директората:

Предполагается, что все мероприятия Директората, его конференционная работа в первую очередь, не только будут широко освещаться психологической прессой, но и получают резонанс в широких средствах массовой информации. Там, где это будет сочтено целесообразным, должны присутствовать представители соответствующих государственных структур и т.п. Программа Содействия должна максимально использовать внутренние возможности пропаганды и популяризации психологии. Необходимо формировать при Директорате широкий спектр групп поддержки инициатив по развитию российской психологии.

*

Интегральность Программы Содействия:

при подготовке Программы Содействия необходимо уметь различать и интегрировать интересы отдельных исследователей, интересы отдельных институтов и институций, интересы профессионального строительства психологии, интересы страны и ее населения в психологическом обслуживании.

*

От Директората к широкой общественной комиссии:

по мере развертывания и бюджетизации конкретных проектов необходимо создавать широкие междисциплинарные и межведомственные «ученые советы / советы консультантов» для содержательной оценки и организационной проработки таких проектов. Общая схема работы Директората должна, видимо, быть такой: от темы проекта (прагматическая идея) к двустороннему, российско-американскому семинару или конференции (системное исследование идеи) к плану проекта (инженерная и бюджетная разработка) и далее к работе по проекту (воплощение идеи). В принципе, следует как можно скорее подготовить развернутые проекты программ под каждое из приоритетных направлений содействия развитию психологии в России.

*

Возможные тенденции:

стимулировать и всячески содействовать появлению тематически смежных комиссий и ассоциаций – например, по созданию различных гуманитарных и социальных служб в России: ориентироваться на необходимость преобразования в конечном счете ”The Russian-American Assistance Program for Psychology in Russia» в значительно более широкую Российско-американскую ассоциацию содействия развитию психологии.

Перехожу теперь к изложению тематики возможных конференционных взаимодействий российских и американских психологов.

*

1. Конференции ознакомительно-информационного характера

1.1. Организационная структура Американской психологии. Структура и динамика подготовки психологических кадров. Структура использования психологических кадров. Структура и внешние связи психологических служб.

1.2. Вариации и история становления учебных программ для психологов в учебных заведениях Америки. Типология и уровни профессиональной квалификации. Процедуры и критерии лицензирования. Возможность конвертируемости российских психологических дипломов. Внутренние, нелицензирующие, процедуры и критерии оценки и аттестации научных и педагогических психологических кадров; внутренние механизмы научного и профессионального контроля.

1.3. Информационное обеспечение психологии: книги, журналы; справочные, библиографические, информационно-поисковые системы; базы данных; системы профессионального оповещения и профессиональной коммуникации и т.п.

1.4. Компьютерное (электронное) оснащение современного американского университета – как основа для подготовки, например, обоснованного, незаниженного, проекта соответствующего оснащения психологических факультетов российских университетов. (Речь идет не просто о единицах оборудования, а об их объединении в локальные сети, подключенности к внешним информационным системам и т.п.)

1.5. Студент в американском университете (системы поддержки, платы за обучение, самоуправления, организации быта, режима труда и отдыха, обеспечение учебными средствами, пр.).

2. Конференции по теоретическим и прикладным аспектам психологии.

2.1. Теоретическая структура советской (российской) психологии. Сопоставление тенденций развития психологии в России и США. Что знают об американской психологии в России и что знают о российской психологии в Америке. [Как частность, в порядке подготовки к такой конференционной

встрече Директорат должен готовить проспекты того, что – с точки зрения Директората – должно представлять безусловный интерес для американцев в силу оригинальности, новизны «эндемичности» и т.п.]

2.2. Концепции формирования «нового человека»: утопические, социалистические, психологические, бихевиористические, гуманистические. Представления о возможностях контроля за поведением, за сознанием, о возможностях перестройки сознания. Будущий человек: эволюционные представления; «человеческий потенциал». Советский человек (советская ментальность): восприятие извне и изнутри. Русский/Российский человек (русская метальность). Западный человек. Американский человек. Подтипы и стереотипы.

2.3. Что такое индивидуальный подход к обучению с точки зрения американского и советского психолога. Построение учебного процесса на основе знания закономерностей психического развития.

2.4. Концепции и службы психологического здоровья в США и в России. Сравнительные концепции и службы здоровья. Психология и социальная помощь. Представления о психологической норме.

2.5. Психологическая и социальная работа с различными группами риска в США и в России. В этом контексте: методы выявления детей с минимальными мозговыми дисфункциями и иррегулированностью психического развития; профилактика и коррекция трудностей обучения.

2.6. Университетские психологи и американская промышленность. Психология в микро- и макроэкономических контекстах. Психология и управление. Психологи в высших управленческих структурах.

Следующая группа предложений-тезисов Директората относится к теме создания системы информационного обеспечения психологической науки в России.

*

Американский Центр при Библиотеке иностранной литературы:

в начале лета 1993 г. при московской Библиотеке иностранной литературы открылся так называемый Американский Центр на деньги, обеспеченные годовым грантом, предоставленным Информационной службой США (U.S. Information Service) в размере около \$300,000. Центру передано 5 тысяч томов справочной литературы, подписка на многочисленные периодические издания, различные информационные средства, в том числе – база данных [см. The Moscow Times – Thursday, June 24, 1993, p. 3]. Предложение состоит в изучении возможности создания на сходных условиях психологического информационного центра на базе, например, библиотеки ИНИОН (Институт Научной Информации по Общественным Наукам).

*

Другие информационные центры:

Изучить возможность создания в Москве информационного центра, представляющего в России интересы Американской психологической ассоциации, других американских психологических ассоциаций. В целях организации двустороннего потока информации; такой Центр мог бы быть как самостоятельным учреждением, так и частью какой-то значительно более крупной, многоцелевой информационной структуры.

*

Завершенная структура психологических периодических изданий:

необходимо подготовить предложения об оптимальной структуре психологических периодических изданий, включающей общие и отраслевые Психологические Вестники, Психологические Обозрения, Психологические Ежегодники, Психологические РЖ (реферативные журналы).

*

Психологическая литературы для России:

Организовать в США кампанию по сбору психологической и «околопсихологической» литературы для России (для библиотек психологических факультетов, студентов-психологов, психологов-практиков); обратиться с этой целью в американские университеты, профессиональные психологические сообщества, непосредственно к американским психологам.

*

Информационная помощь со стороны журналов и издательств:

Обратиться к издателям американских психологических и «околопсихологических» журналов, к руководству издательств, специализирующихся на публикациях психологической литературы, с просьбой о бесплатном выделении экземпляров их изданий для информационных нужд российской психологии.

*

Гранты на написание и перевод учебников:

Попытаться организовать систему грантов под написание российскими психологами оригинальных и перевод на русский язык существующих учебников по психологии.

*

Информация о психологии в России для США:

Оценить возможность издания в Америке периодического издания типа «Новое/События в российской психологии»; также оценить потребность в Америке в справочной информации, потребность в сборнике «Кто есть кто в российской психологии».

Следующие два предложения Директората направлены (помимо прямой пользы психологического строительства) на создание механизма пре-

стижности осуществляемых совместно с ним проектов, на формирование авторитетности своей работы, на visibility и т.п.

*

Премии, конкурсы, поощрения:

Продумать систему поощрения российских психологов: премии как таковые (именные, спонсорские, учрежденческие; на конкурсной или экспертной основе), гранты, возможности стажировки; дифференциальные поощрения для студентов, аспирантов, исследователей, авторов публикаций; премии-поощрения (например, со стороны самого Директората) лицам, внесшим наиболее значительный вклад в содействие развитию российской психологии и американскими психологами. Изыскать средства для реализации такой системы поощрения, привлечь американские университеты, обратиться к индивидуальным спонсорам, частным фондам и т.п.

*

Комиссии Директората для оценки предложений под гранты:

По мере развертывания работы Директората создавать совместные комиссии для оценки предложений под потенциальные (в том числе – международные) гранты; публиковать перспективные проекты с обоснованием необходимости финансирования; Директорат как организатор посредничества в отношениях с фондом Сороса, Американской психологической ассоциацией, IREX и т.п.

При обсуждении предложений имелось в виду, что естественными партнерами в работе Директората должны быть американские психологические и маргинально психологические («околопсихологические») организации и структуры. Вместе с тем в предложениях Директората отмечается:

«...в США имеются Американская ассоциация содействия науке (American Association for the Advancement of Science), Американская Ассоциация содействия славистике (American Association for Advancement of Slavic Studies)». Такие организации также могут быть партнерами Директората.

В предложениях Директората отмечается наличие в Москве Российского (московского) представительства «Программы Технической помощи СНГ при ОЕС (Организации Европейского Сообщества)». В этом контексте задается вопрос о возможности получения субсидий и помощи от аналогичных американских федеральных программ или ведомств или от американских фондов в целях подготовки «двуязычных» специалистов, например, преподавателей, компетентных в российской и западной (американской) психологической профессиональной реальности, умеющих видеть общее и разное между российскими и западными методами и механизмами

формирования и поддержания человеческих ресурсов, способных создавать подобные механизмы на российской почве и обучать соответствующим методам.

Кроме того, на заседаниях Директората возникал вопрос о возможности создания при Российско-Американском Центре (Сан-Франциско) «Клуба» поддерживающих российскую психологию, формирования лобби в поддержку психологической науки в России.

Также на заседании Директората называлась а) возможность проведения в контексте Конференции по теории деятельности (май 1994 г.) первого из ознакомительно-подготовительных семинаров и направленного приглашения на такой семинар инициативной группы американских психологов, и б) возможность организовать делегацию американских психологов на юбилей (80-летие) Психологического Института – апрель 1994 г.